
СОВРЕМЕННЫЕ ИСЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 10, № 2-4, 2018

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 10, Number 2-4, 2018

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2018

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 10, № 2-4, 2018, 138 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 10, Number 2-4, 2018, 138 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ**PHILOSOPHICAL STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-14-27

УДК 614.253.83

**ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ
ПАЦИЕНТА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОТ ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
К МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ***Пыжова О.В., Чальцева Т.А.*

Цель. В статье авторы ставят своей задачей проследить процесс трансформации информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство из этической теории в правовую практику в отечественной системе здравоохранения советского периода, поскольку гармония универсальных ценностей и правовых норм может одновременно регулировать не только поведение человека в рамках профессиональной этики, но и развитие медицинской науки.

Метод и методология. Для изучения данной проблемы применялись диалектический и сравнительно-исторический методы исследования.

Результаты. В ходе проведенного анализа внедрения в медицинскую практику теории информированного согласия на дискуссионной основе в общественных и медицинских кругах, а также на основе рассмотрения нормативно-правовых норм, регулировавших взаимоотношения врач-пациент в отечественной медицине XX века, авторы пришли к выводу что, получив первый опыт правового регулирования в СССР, практика согласия пациента на медицинское вмешательство в современной России приведена в соответствие с международными стандартами.

Область применения результатов. Результаты исследования могут найти применение не только в области биоэтики, медицинского права, истории медицины и права в медицинских и юриди-

ческих вузах в процессе обучения, но и стать основой отдельного исследования по изучению и совершенствованию нормативно-правовой базы информированного добровольного согласия пациента в условиях развития современной системы здравоохранения.

Ключевые слова: теория согласия; информированное согласие; пациент; врач; профессиональные обязанности; медицинское вмешательство; врачебная этика; уголовная ответственность; правовое регулирование.

THE INFORMED CONSENT OF THE PATIENT IN THE SOVIET SYSTEM OF HEALTH CARE: FROM ETHICAL THEORY TO MEDICAL PRACTICE

Pyzhova O.V., Chaltseva T.A.

Purpose. In article authors put the task to track process of transformation of the informed voluntary consent of the patient to medical intervention of the ethical theory in legal practice in a domestic health care system since the Soviet period to the present as the harmony of universal values and precepts of law can regulate at the same time not only behavior of the person within professional ethics, but also development of medical science.

Methodology. To studying of this problem it was applied dialectic and comparative-historical methods of a research.

Results. During the carried-out analysis of introduction in medical practice of the theory of the informed consent on a debatable basis in public and medical circles and also on the basis of consideration of the standard precepts of law regulating relationship the doctor patient in domestic medicine of the 20th century, authors have come to a conclusion about what, having got the first experience of legal regulation of the practitioner of consent of the patient to medical intervention only in modern Russia has been brought into accord with the international standards.

Practical implications. Results of a research can find application not only in the field of bioethics and the medical right in medical and

legal higher education institutions in the course of training, but also to become the basis for a separate study on the study and improvement of the legal framework of informed voluntary consent of the patient in the development of modern health care system.

Keywords: *theory of consent; the informed consent; patient; doctor; professional duties; medical intervention; medical ethics; criminal liability; legal regulation.*

Проблема этического осмысления практической деятельности врача в условиях развитого гражданского общества с широкими правами и обязанностями вызывает особый исследовательский интерес с точки зрения истории ее развития в отечественной медицине советского периода. Пациент сознательно участвует в процессе лечения и имеет право знать о целях предстоящей манипуляции, возможных последствия и рисках. Добровольное информированное согласие в современной системе здравоохранения – это обязательная этико-правовая норма, регулирующая процесс взаимодействия и защищающая врача и пациента на основании получения от больного добровольного разрешения на медицинские манипуляции после предоставленной врачом в максимально доступной и понятной форме информации о целях, характере, альтернативных вариантах вмешательства, развитии возможных осложнений.

Но как только этическое содержание необходимости согласия больного на медицинское вмешательство получило правовую форму, и для врача такая процедура стала обязательной, новый импульс к обсуждению получили проблемы, неизбежно сопровождающие практику добровольного информированного согласия с момента ее появления в медицинской деятельности: абсолютность права пациента на согласие на медицинские манипуляции; возможные исключения из этого правила, когда допускается, что врач не испрашивает такое согласие в определенных (каких именно?) ситуациях; превращение подписания информированного согласия в формальность, как со стороны врача, так и со стороны пациента, и, как результат, – многочисленные судебные разбирательства; определение степени

ответственности врачей за неблагоприятный исход медицинского вмешательства, осуществляемого на основании дачи пациентом добровольного информированного согласия и т.д.

Для решения сложившихся противоречий вокруг юридически обоснованной практики медицинского вмешательства после получения врачом от пациента согласия на него, возможно, будет полезным и важным проследить трансформацию добровольного информированного согласия в советской системе здравоохранения.

Процесс зарождения теории согласия пациента на медицинское вмешательство начался в России еще в начале XX века и развивался преимущественно в полемиках о пределах волеизъявления больных при оказании медицинской помощи во врачебных и юридических кругах, как правило, на страницах периодических изданий и различного рода отдельных публичных выступлениях.

В дореволюционный период в отечественном здравоохранении специальное законодательство, регулирующее эту сторону взаимоотношений врача и пациента, отсутствовало, поэтому врачебная деятельность квалифицировалась в общеправовых рамках, а согласие пациента приравнивалось к согласию потерпевшего, что создавало определенные трудности в судебных разбирательствах в условиях сословного характера суда. Особенно дискуссионными представлялись условия, на основании которых действия врачей трактовались правомерными, а сами врачи могли не опасаться уголовной ответственности и соответствующего наказания. Среди таких условий самыми распространенными выступали цели врачевания, профессиональные обязанности и их исполнение, а также наличие согласия пациента на медицинское вмешательство.

Так, наличие или отсутствие согласия на хирургические операции вызывало дискуссию, прежде всего, во врачебных кругах. Известный русский физиолог, заслуженный деятель науки УССР, заслуженный профессор Украины в одной из своих работ «Врач, его призвание и образование» в 1921 году описывал пример из врачебной практики: во время проведения операции человеку среднего возраста хирург при плановом удалении одного яичка обнаружил поражение другого яичка

и принял решение о его удалении при отсутствии согласия на то пациента. Этот и подобные ему случаи служат равнозначным соперничеством двух мотивов: со стороны врача – забота о состоянии здоровья пациента, а со стороны самого пациента – право распоряжаться качеством своей дальнейшей жизни [1, с. 382]. Очевидно, проблема равновесия правового регулирования и этических норм требовала конструктивного решения в системе взаимоотношений «врач – пациент».

И только в постреволюционный период в сфере отечественного здравоохранения пределы врачебного вмешательства в отношении пациента впервые получили правовое закрепление в законодательных актах. Образование СССР было ознаменовано созданием целого ряда основных законодательных документов, в том числе и в области защиты прав пациента на добровольное информированное согласие.

Стоит отметить, что до 1924 года в СССР не было попыток рассмотреть на законодательном уровне право пациента на медицинское вмешательство. Этому способствовал целый ряд объективных оснований: драматичные санитарно-гигиенические нормы в стране, погрязшей в первой мировой и гражданской войнах; многочисленные вспышки эпидемий; голод и многие другие. До 1924 года в условиях чрезвычайного времени у пациента практически не было возможности автономно принимать решение о медицинском вмешательстве.

Первого декабря 1924 года в целях установления контроля над медицинской деятельностью был издан Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников». Необходимо отметить неоспоримое значение данного документа, положившего начало созданию российской правовой базы в рамках формирования взаимоотношений в системе «врач–пациент» в новых социально-политических условиях. Однако нельзя не отметить и правовую однобокость Декрета 1924 года, так как в нем учитывалась только область хирургии и сложные методы диагностики. Так, в ст. 20 содержится указание на то, что хирургические операции и сложные методы диагностики применяются с согласия больных, а с шестнадцатилетнего возраста, и в отношении к психически больным – с согласия их родителей, опекунов или попечителей. В исключительных

случаях допускалось оказание медицинской помощи без согласия пациента, например, при промедлении в установлении диагноза или проведении операции, угрожающей жизни больного, когда получить согласие указанных лиц не представляется возможным [12, с. 12].

Но все же главное значение Декрета 1924 года заключалось в первом опыте утверждения на уровне высшего законодательного органа конституционной страны (СССР) права пациента на согласие при выполнении хирургических операций. На основании той же статьи неотложные операции для спасения жизни или важного органа врач мог произвести после консультации с другими врачами. В случае риска опоздания врач мог решить вопрос об операции один и без согласия больного, если тот находился в бессознательном состоянии, но о каждом таком случае врач должен был доложить отделу здравоохранения в срок не позднее двадцати четырех часов с момента медицинского вмешательства.

Отметим, вместе с радикальными изменениями в России меняется и медицина в целом, и стандарты оказания медицинской помощи населению в частности. Социальная революция породила и социальную медицину – отрасль медицинского знания, которая изучает болезни с точки зрения их массового проявления, исследуя законы массового распространения нозологических форм, и строит определенные методы массовой профилактики и терапии для своей практической деятельности [9, с. 19].

Ориентация на политику нового государства внесла свои значительные коррективы и в требования к выполнению профессиональных обязанностей врачей, которые содержались не только в соответствующих нормативно-правовых актах, но и впервые вошли в учебные пособия советских вузов. Так, в одном из учебно-методических изданий, предназначенном для изучения теории уголовного права будущими юристами, известный советский правовед, доктор юридических наук, теоретик права Андрей Андреевич Пионтковский в разделе «Обстоятельства, исключаящие противоправность» обосновал условия, на основании которых правомерность действий врача может быть обоснована с точки зрения

уголовной ответственности. Например, он подчеркивает, что выполнение некоторых социально полезных профессиональных функций может обретать формы, напоминающие составы преступления (удаляя зуб, стоматолог наносит легкое телесное повреждение, ампутация ноги или руки хирургом может квалифицироваться как тяжкое телесное повреждение и т.д.).

Так, доминирующим принципом медицинской деятельности стала социальная полезность при выполнении врачом профессиональных обязанностей. А в случае доказательства преступного умысла или халатности со стороны врача, медицинское вмешательство получало состав преступления. При этом советское общество выступало за применение мер принудительного лечения и вакцинарования в медицине как социальной защиты населения от эпидемий и социально опасных заболеваний, расширяя полномочия врачей действовать без согласия пациента. Как указывал, А.А. Пионтковский, принцип социальной полезности в медицине в дальнейшем должен был способствовать возрастанию случаев медицинского вмешательства без согласия пациента [7, с. 156–157].

13 июля 1925 года в Ленинграде состоялось совместное заседание членов Ленинградского Общества Работников Советского Права и слушателей Криминологического Кабинета при Ленинградском Губсуде с представителями Наркомздрава и врачами «О судебной ответственности врачей». На нем поднимались вопросы уголовной ответственности врача при выполнении профессиональных обязанностей. Эта встреча была вызвана резким увеличением количества судебных процессов, где главными обвиняемыми становились врачи, преимущественно оперирующие. В таком контексте снова встал вопрос о несовершенстве действующего в СССР законодательства, о границах правомерности врачебной деятельности, о квалификации действий врачей, поскольку последняя проблема решалась по-прежнему определениями общеправовой практики без учета специфики оказания медицинской помощи населению.

Для общества в целом назрела острая необходимость конкретизации и ясности в установлении тех норм, за пределами которых

врачебная деятельность становится общественно вредной и уголовно наказуемой [10, с. 61]. Однако одной из самых спорных задач являлась ответственность за совершение врачебных действий – лечение больного. В новых социальных условиях, в том числе и советского права, разрешение этого спора могло иметь только юридическую природу врачебной деятельности, которая в дальнейшем могла стать базой для утверждения и развития правовых основ добровольного информированного согласия. Стоит отметить, что наиболее доступной в обосновании наказуемости или ненаказуемости врачебного действия является сама теория согласия больного, сущность которой сводится к выражению *Volentia non fit iniuria* – по отношению к давшему согласие не может быть правонарушения [10, с. 63], т.е., если больной дал согласие на медицинское вмешательство, то уголовная ответственность исключается, кроме тех случаев, которые запрещены законом, например, аборты или действия, совершенные с определенным злым умыслом.

Впервые речь шла о том, что согласие больного должно быть установлено на законном уровне с учетом ряда условий. Главное из них, согласие должно быть добровольным и сознательным, что редко удовлетворяет этим требованиям, так как само нездоровое состояние больного уже исключает осознанное отношение к происходящему, при этом врач пытается многое скрыть от пациента, чтобы не потерять надежды на благополучный исход лечения. Что же касается лиц в бессознательном состоянии, то важно понять, насколько считать согласие окружающих достаточным для этой цели. Становится ясно, что данная теория согласия больного недостаточна, поэтому, по словам участника заседания 1925 года юриста профессора А.М. Розина, на смену теории согласия выдвигалась теория врачебной цели, которая оправдывала врачебные действия.

В СССР государство давало полномочия врачу на совершение определенных действий, которые признаны медицинской наукой. Теория авторитарного права врача, даже в условиях признания его со стороны государства, вскоре оказалась неприемлемой и требовала дополнительных разъяснений. Стоит упомянуть еще несколько из-

вестных теорий – «теория конечного результата врачебной деятельности» или сложную теорию «психофизического благо бытия (профессора Мокритского)» [10, с. 64], которые убедительно доказывали трудность подведения врачебных действий под юридические нормы.

В новых сложных политических и социально-экономических условиях советского государства диалог врачебной этики и медицинского права обнаружил новые грани обсуждения. Так, в 1926 году в статье «Уголовная ответственность врачей» известный врач, доктор медицины Юлий Германович Малис снова поднял тему согласия больного на операцию. Он был убежден, что врачи, и юристы – что простительно первым и совершенно непростительно вторым – смешивают две далеко несовпадающие области: этику и право.

Найти компромисс между профессиональной этикой врача и юридической практикой советского государства было крайне сложно, поскольку нравственно хирург не может позволить проведение операции без согласия пациента, а юридически больной и его родственники заинтересованы в защите своих прав на свободу выбора, не желая при этом неблагоприятных последствий для здоровья. Другими словами, медицинское вмешательство невозможно расценивать, например, как нанесение телесных повреждений в случае ожидания согласия пациента, что будет равносильно врачебному принципу *laissez mourir* (пусть он умрет – прим авт.), поскольку интересы больного будут лучше защищены, если он окажется в распоряжении квалифицированного врача, нежели врач может оказаться в распоряжении пациента со всеми вытекающими последствиями [5, с. 77–78].

Таким образом, первой по времени возникновения, но наиболее примитивной в обосновании наказуемости или ненаказуемости врачебного действия явилась теория согласия больного. Именно она нашла жизнь и развитие в рамках СССР и в современном мире.

В дальнейшем утверждение документа «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» от 19 декабря 1969 года № 4589-VII предусматривало обязательность оформления согласия пациента при хирургических операциях и в то же время, предлагало открытый перечень ситуаций, разрешающий проведение

медицинского вмешательства без информированного согласия пациента. Так, в статье 35 данного закона указывалось, что «хирургические операции производятся и сложные методы диагностики применяются с согласия больных, а больным, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и психически больным – с согласия их родителей, опекунов или попечителей. Неотложные хирургические операции производятся и сложные методы диагностики применяются врачами без согласия самих больных либо их родителей, опекунов или попечителей только в тех исключительных случаях, когда промедление в установлении диагноза или проведении операции угрожает жизни больного, а получить согласие указанных лиц не представляется возможным» [6]. Вышеуказанные требования сохранили свою актуальность по отношению к Декрету 1924 года, за исключением пункта об обязательном сообщении в управляющие органы здравоохранения в положенные сроки сведений о медицинском вмешательстве без согласия пациента.

Таким образом, в системе советского здравоохранения согласие пациента как правовая норма обсуждалось преимущественно в контексте хирургических вмешательств, а описание ситуаций, которые допускали действия без согласия пациента или его представителя со стороны врача, предоставляли последним достаточно широкие полномочия при проведении медицинских манипуляций. При этом впервые именно в системе здравоохранения СССР этическая теория согласия пациента получила правовое закрепление.

С образованием Российской Федерации получение добровольно информированного согласия от пациента стало обязательным условием любого медицинского вмешательства, а с присоединением России к основным международным этико-правовым стандартам в области защиты прав и достоинств пациентов, в национальных нормативно-правовых актах и документах появились значительные изменения в формулировках. Так, условие осуществления медицинского вмешательства только после получения от пациента добровольного информированного согласия стало общемировой правовой нормой и показателем демократичности общества [8, с. 112]. В соответствии с частью II «Согласие» Конвенции о правах человека и

биомедицине [3], статьи 21 Конституции РФ [4], статей 35, 36, 38, 52 Кодекса профессиональной этики врача РФ [2] правовое регулирование практики испрошенного согласия пациента осуществляется в современной медицине на основании статьи 20 Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», устанавливающей порядок дачи информированного добровольного согласия, право пациента на отказ от медицинского вмешательства, а также допустимость оказания врачами медицинской помощи без согласия пациента или его законного представителя [11]. Стоит отметить, что анализ исторических условий и опыта, полученного отечественными врачами и правоведами в ходе обсуждения этико-правовых условий внедрения и функционирования информированного согласия в советской системе здравоохранения, может оказаться полезным для изучения специфики современной практики информированного согласия пациента в России. Однако изучение таких противоречий и проблем в изменяющихся условиях XXI века, тенденция к росту судебных дел о врачебных ошибках, объективность медицинской и судебной статистики в области конфликта интересов между врачами и пациентами, способность и умение защищать свои права представляют отдельный исследовательский интерес.

Список литературы

1. Данилевский В.Я. Врач, его призвание и образование: Вступит. Чтения. Харьков: Всеукр. гос. изд., 1921. 416 с.
2. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации. URL:<http://li.i-docx.ru/28pedagogika/36372-1-kodeks-professionalnoy-etiki-vracha-rossiyskoy-federacii-kodeks-professionalnoy-etiki-vracha-rossiyskoy-federacii-pri.php> (дата обращения 11.06.2018).
3. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164) (Овьедо, 4 апреля 1997 года). URL:<http://bioethics.imbp.ru/Principles/Convention.html> (дата обр-я 11.06.2018).
4. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения 11.06.2018).

5. Малис Ю.Г. Уголовная ответственность врачей // Жизнь и право. 1926. Книга первая. С. 76–82.
6. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» от 19 декабря 1969 г. № 4589. URL:http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7212.htm (дата обращения 07.06.2018).
7. Пионтковский А.А. Уголовное право Р.С.Ф.С.Р. Общая часть. М.: Гос. изд-во, 1924. 235 с.
8. Пищита А.Н., Климов А.Е. Информированное добровольное согласие в медицине (правовой аспект) // Вестник РУДН. Серия. Медицина. 2006. № 1(33). С. 112–118.
9. Раевский А.С. От изучения патологии индивида к изучению патологии масс // Вестник современной медицины. 1924. № 5. С. 17–19.
10. Судебная ответственность врачей: [статьи и материалы]. Л. М.: Изд-во Рабочий суд, 1926. 64 с.
11. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21.11.2011. URL: http://www.consultant.ru/popular/zdorovia_grazhdan (дата обращения 11.06.2018).
12. Филиппов Ю.Н., Абаева О.П., Филиппов А.Ю. История становления информированного добровольного согласия пациента в России // Медицинский альманах. 2013. № 1 (25). С. 11–13.

References

1. Danilevskij V.Ya. *Vrach, ego prizvanie i obrazovanie: Vstupit. Chteniya* [Danilevsky V.Ya. A doctor, his Calling and Education: Introduct. Readings.]. Kharkiv: Vseukr. state. prod., 1921. 416 p.
2. *Kodeks professional'noj ehtiki vracha Rossijskoj Federacii* [Code of Professional Ethics of the Doctor of the Russian Federation]. <http://li.i-docx.ru/28pedagogika/36372-1-kodeks-professionalnoy-etiki-vracha-rossiyskoj-federacii-kodeks-professionalnoy-etiki-vracha-rossiyskoy-federacii-pri.php>.
3. *Konvenciya o zashchite prav i dostoinstva cheloveka v svyazi s primenieniem dostizhenij biologii i mediciny: Konvenciya o pravah cheloveka i biomedicine (ETS N 164) (Ov'edo, 4 aprelya 1997 goda)* [The Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Conven-

- tion on Human Rights and Biomedicine (ETS N 164) (Oviedo, on April 4, 1997)]. <http://bioethics.imbp.ru/Principles/Convention.html>.
4. *Konstituciya Rossijskoj Federacii* [Constitution of the Russian Federation]. <http://www.constitution.ru>.
 5. Malis Yu.G. *Ugolovnaya otvetstvennost' vrachej* [Malis Yu.G. Criminal Liability of Doctors]. *Zhizn' i pravo* [Life and right]. 1926. First book, pp. 76–82.
 6. *Osnovy zakonodatel'stva soyuza SSSR i soyuznyh respublik o zdorovo-ohranenii» ot 19 dekabrya 1969 g. № 4589* [The Principles of the Legislation of the Union of the USSR and Federal Republics on the Health Care” of December 19, 1969 No. 4589]. http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7212.htm.
 7. Piontkovskij A.A. *Ugolovnoe pravo R.S.F.S.R. Obshchaya chast'* [Piontkovsky A.A. Criminal law of R.S.F.S.R. General part]. M.: State publishing house, 1924. 235 p.
 8. Pishchita A.N., Klimov A.E. Informirovannoe dobrovol'noe soglasie v medicine (pravovoj aspekt) [Pishchita A.N., Klimov A.E. The Informed Voluntary Consent in Medicine (Legal Aspect)]. *Vestnik RUDN. Seriya. Medicina* [The RUDN Bulletin. Series. Medicine]. 2006. No. 1(33), pp. 112–118.
 9. Raevskij A.S. Ot izucheniya patologii individa k izucheniyu patologii mass [Rajevski A.S. From the Study of Pathology of the Individual to the Study of Pathology of Masses]. *Vestnik sovremennoj mediciny* [Journal of Modern Medicine]. 1924. No. 5, pp. 17–19.
 10. *Sudebnaya otvetstvennost' vrachej: [stat'i i materialy]* [Judicial Responsibility of Doctors: [Articles and Materials]. L.-M.: Working Court Publishing House, 1926. 64 p.
 11. *Federal'nyj zakon «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» № 323-FZ ot 21.11.2011* [The federal law “About Bases of Protection of Public Health in the Russian Federation” No. 323-FZ from 21.11.2011]. http://www.consultant.ru/popular/zdorovia_grazhdan.
 12. Filippov Yu.N., Abayeva O.P., Filippov A.Yu. Istoriya stanovleniya informirovannogo dobrovol'nogo soglasiya pacienta v Rossii [Filippov Yu.N., Abayeva O.P., Filippov A.Yu. History of the Development of the Patient's Informed Voluntary Consent in Russia]. *Medicinskij al'manah* [The Medical Almanac]. 2013. No. 1 (25), pp. 11–13.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Пыжова Олеся Владимировна, доцент кафедры философии, кандидат философских наук
Курский государственный медицинский университет
ул. Карла Маркса, 3, г. Курск, Курская область, 305041, Российская Федерация
olvp@bk.ru

Чальцева Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры философии, кандидат исторических наук
Курский государственный медицинский университет
ул. Карла Маркса, 3, г. Курск, Курская область, 305041, Российская Федерация
t.a.c.2002@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Pyzhova Olesya Vladimirovna, Associate Professor, Department of Philosophy, Ph.D. in Philosophy
Kursk State Medical University
3, Karl Marks Str., Kursk, Kursk Region, 305041, Russian Federation
olvp@bk.ru
SPIN-code: 3291-2440
ORCID: 0000-0002-3770-5835
ResearcherID: L-9538-2018

Chaltseva Tatyana Aleksandrovna, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Ph.D. in History
Kursk State Medical University
3, Karl Marks Str., Kursk, Kursk Region, 305041, Russian Federation
t.a.c.2002@yandex.ru
SPIN-code: 9993-7477
ORCID: 0000-0001-7334-7177
ResearcherID: M-1228-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-28-42

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНТУРЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

Воронов В.М.

Цель. *Прояснить контуры экзистенциального подхода к проблеме идентичности как альтернативного теоретико-методологической позиции в сравнении с эссенциалистским и конструктивистским подходами.*

Методология. *Исследование базируется на философской рефлексии, которая понимается в качестве особого метода, позволяющего анализировать социокультурные феномены, опираясь на социогуманитарные дисциплины и литературно-художественное осмысление действительности. Теоретико-методологическая позиция в основном определяется идеями экзистенциальной аналитики (М. Хайдеггер) и логотерапии (В. Франкл). Методологическое значение для исследования имеют общие установки феноменологии и экзистенциализма, а также концепция нарративной идентичности П. Рикёра.*

Результаты. *Сформулированы некоторые концептуальные положения экзистенциального понимания идентичности как целостного феномена. Показан экзистенциальный характер проблемы социально-антропологической идентичности, конституирующийся связанностью смысложизненных вопросов «кто я?» и «ради чего?». Прояснена связь уровней социально-антропологической идентификации: персонального, социокультурного и антропологического.*

Область применения результатов. *Результаты могут использоваться для разработки социально-политических программ, связанных с проблематикой развития человеческого потенциала и патриотического воспитания в качестве теоретико-методологических оснований. Материалы могут включаться в курсы и модули преподавания социальной философии и философской антропологии.*

Ключевые слова: экзистенция; идентичность; идентификация; жизненные смыслы; смысл жизни; персональная идентичность; социокультурная идентичность; антропологическая идентичность.

THE PROBLEM OF IDENTITY: OUTLINE OF THE EXISTENTIAL APPROACH

Voronov V.M.

Purpose. Clarify the conceptual outline of the existential approach to the problem of identity as an alternative theoretical-methodological position by contrast to essentialism and constructivism approaches.

Methodology. The research is based on philosophical reflection understood as a special method to analyse sociocultural phenomena per se based on materials from various social sciences and a literary and artistic insight of reality. The theoretic and methodological standpoint is particularly based on the ideas of existential analysis (M. Heidegger) and logotherapy (V. Frankl). The general assumptions of phenomenology and existentialism as well as the P. Ricœur's narrative identity concept were also valuable as research methods.

Results. Several concepts of existential understanding of identity as a cohesive phenomenon have been formulated. The research has shown the existential nature of the problem of social and anthropological identity constituted by connection of meaning-of-life questions of "who am I?" and "What is it for?" The connection between the levels of social and anthropological identification – personal, sociocultural, and anthropological – have been clarified.

Practical application. The results can be applied in development of social and political programs related to human development potential and patriotic education as a theoretic and methodological basis. The materials can also be used in teaching social philosophy and philosophical anthropology.

Keywords: existence; identity; identification; vital meanings; meaning of life; personal identity; sociocultural identity; anthropological identity.

1. Феномен идентичности как социально-антропологическая и логико-онтологическая проблема

Размышляя о проблематике идентичности, необходимо выделить два смысловых поля: социально-антропологическое и логико-онтологическое. В социально-антропологическом ключе должны рассматриваться аспекты, связанные с самоопределением (самопониманием, самоотождествлением, самопрезентированием) личностей и общностей. Речь идёт о тематическом поле, которое исследуется различными социогуманитарными дисциплинами. При этом в качестве предмета теоретического исследования, как правило, рассматривается конкретный уровень социально-антропологической идентичности: персональный (личный, экзистенциальный), социокультурный (социальный), антропологический. Персональная идентичность делает возможным понимание самого себя как себя [См.: 3, с. 387]. Социокультурная идентичность связана с соотношением себя с конкретными параметрами своего бытия с другими, т.е. с конкретными социокультурными характеристиками. Антропологическая идентификация – это понимание себя в качестве человека. В логико-онтологическом смысле проблема идентичности может быть понята как проблема тождественности сущего самому себе, которая выражается в логическом законе тождества « $a=a$ ». Важным аспектом становится вопрос об адекватности высказываний, т.е. в вопрос о соответствии слова о сущем – самому сущему.

Следует заметить, что логико-онтологическая тождественность сущего с момента первых попыток её осмысления раскрывается довольно своеобразно. Со времён античной мысли широко известен парадокс о «корабле Тесея». Суть его состоит в следующем. Если доски, из которых состоит корабль, с течением времени постоянно менять, то останется ли корабль тем же кораблём или же это будет новый корабль, когда все доски будут заменены? [Плутарх. Сравнительные жизнеописания, Тесей, 23.] Эта парадоксальность усиливается, если мы попробуем задуматься о логико-онтологических аспектах персональной идентичности. Здесь достаточно вспомнить другой античный шуточный парадокс о должнике и работодателе,

авторство которого приписывается трагику Эпимарху [7, с. 260]. Согласно условиям шутки-парадокса, один человек берёт в долг у другого деньги, но отказывается отдавать в установленный срок. Аргументы должника строятся на том основании, что он серьёзно изменился и фактически является не тем человеком, который брал долг, а уже другим. Заимодавец, не получив денег, избивает своего должника, а, оправдываясь перед судом, прибегает к аргументу: бил то один человек, а судят уже другого.

Парадоксальность, в которой мы оказываемся, проблематизирует нашу персональную самоидентичность (по крайней мере, её осмысление) как в отношении наших внутренних (ментальных) характеристик, так и в отношении нашей телесности (плоти). Не стоит забывать и о том, что возможности современной технократической цивилизации скоро могут сделать гораздо более острой и явной эту парадоксальность, переведя её в область практических решений. В частности можно вспомнить об одном из вызовов трансгуманизма: проекте полной или частичной киборгизация человеческого тела¹. Очевидно, что рано или поздно человечество столкнётся с проблемой отождествления существ, равно как и их самоотождествления, с гораздо большей долей искусственной «начинки», чем просто бионический протез (протезы) или вживлённый чип (чипы). В связи с этим парадокс можно переформулировать следующим образом: останется одним и тем же человек, органы которого будут полностью или большей частью заменены (улучшены, переработаны и т.д.) искусственными имплантами? Таким образом, следование логико-онтологическому пониманию идентичности применительно к её персональному уровню приводит нас к парадоксам. Эти парадоксы используются и для обоснования редукционистских позиций в отношении проблемы персональной идентичности.

Так на проблеме «тоже самого человека» во многом построен известный парадокс с телепортом (парадокс телепортации, парадокс дубликатов), который в качестве аргумента против значимости

¹ Этот же технократический вызов проблематизирует и нашу антропологическую идентификацию.

персональной идентичности выдвигался Д. Парфитом [13]. Один из вариантов такого парадокса хорошо раскрывается в известном фильме Престиж [The Prestige, реж. К. Ноллан, 2006]. Согласно сюжету фильма один из двух соперничавших фокусников, получает от Н. Теслу машину, которая должна телепортировать предметы на расстояние. Однако вместо телепортирования машина создаёт полные копии тел, которые в неё помещают. Используя это устройство для постановки трюка с исчезновением человека, иллюзионист решает проблему копий самого себя радикальным образом – просто топит их в бассейне с водой. При этом он так и остаётся в ситуации принципиального неведения, думая: «кто же всё-таки каждый раз погибает – его точная копия или оригинал?».

Парадоксальность, или даже апорийность, в которую мы попадаем, связана с приравниванием персональной идентичности к простой самождественности. Понятая только логико-онтологическим образом человеческая идентичность может либо редуцироваться и пониматься как нечто незначущее и потенциально неопределимое, либо выступать в качестве характеристики для определённого субстантивного начала (сознания, памяти, тела), либо пониматься в качестве опосредованной мемориальной связи. В противовес такому чисто логико-онтологическому взгляду, на идентичность можно взглянуть и с экзистенциально-смысловой стороны. Акцент на экзистенциально-смысловых аспектах позволит избежать редукционизма, и в какой-то мере заложить основания для построения теории, связывающей различные уровни социально-антропологической идентичности.

В теоретико-методологическом смысле здесь можно опереться на идею принципиальной специфичности человеческого бытия, которая (идея) была характерна для целого ряда философских построений первой половины XX века: фундаментальной онтологии, экзистенциализма, феноменологии, русской религиозной философии и др. Среди современных теоретиков феномена идентичности наиболее полно её экзистенциальные аспекты рассматриваются П. Рикером [5]. Французский философ предложил раз-

личение двух типов «идентичности: идентичности-то-же-самости (mêmeté) и идентичность-самости (ipséité)» [6, с. 107]. Самость при этом выступает не в качестве чистого «Я» (подобного картезианскому «Ego»), а в качестве того, что опосредуется определёнными формами повествования во взаимодействии с другими людьми. Можно сказать, что речь идёт о способности «прочитывать» **свою жизнь как свою жизнь** через определённые культурные тексты и тем самым строить повествование своей жизни (life-story). Вопрос «кто я?», таким образом, приобретает экзистенциальный и нередуцируемый характер.

Важным моментом при таком ракурсе рассмотрения проблемы является понимание динамического характера идентичности. Сам концепт «идентичность» в этом случае должен пониматься в связке с концептом «идентификация». Некоторые исследователи, например, российский социолог В.А. Ядов, настаивают на принципиальном различии этих понятий [12, с. 163–164]. Идентичность обычно понимается в таком случае как некая относительно устойчивая структура (характеристика), а идентификация как её процессуальная, динамическая основа. В такой логике идентификация определяется в качестве процесса, а идентичность в качестве результата. Однако если гносеологически провести это различие относительно легко через разделение категорий состояния/статике (идентичность) и динамики/процесса (идентификация), то в действительности это сделать затруднительно. В силу этого некоторые авторы используют эти понятия как синонимы или в связке [4, с. 191]. Далее в статье эти термины преимущественно используются в качестве синонимов.

2. Экзистенциальный смысл феномена идентичности и смысложизненная проблематика

Понятая в экзистенциальном ключе проблема прояснения собственной (персональной) идентичности пересекается с проблемой смысла жизни (жизненных смыслов). В проблематике жизненных смыслов определённой теоретической опорой является концепция

логотерапии В. Франкла, которая конституировала одно из направлений экзистенциальной психологии. Ценность логотерапевтических идей для философского осмысления феномена идентичности состоит в том, что они имеют не только «теоретический вес» в социогуманитарном дискурсе, но и эмпирическую апробацию. Вместе с тем эти идеи следует связать с пониманием экзистенциальных оснований феномена идентичности.

Суть позиции австрийского психолога и психотерапевта состоит в том, что в качестве основной движущей силы человеческих действий понимается «воля или стремление к смыслу» [8, с. 11–14]. Думается, что не будет искажением говорить также и о тяге к смыслу, и о нужде в смысле, и о тоске по смыслу. В эмпирическом смысле концепция логотерапии базируется на трёх «китах». Во-первых, это личный опыт В. Франкла, связанный с пребыванием в нацистском концентрационном лагере, в котором он приобрёл экстремальный опыт выживания, наблюдения, самотерапии и попыток групповой и индивидуальной терапии для других заключённых. Во-вторых, это традиция психотерапевтической практики и практики психологических консультаций на основании принципов логотерапии. В-третьих, это данные групповых опросов студентов и слушателей публичных лекций австрийского психолога.

Отсутствие смысловой перспективы в жизни человека вызывает ситуацию т.н. «экзистенциального вакуума», которая (ситуация) генерирует различного рода психологические проблемы: «ноогенные неврозы», «экзистенциальные фрустрации» [8, с. 189–194]. Эти психологические трудности, которые сплошь и рядом преследуют человека в современную эпоху, могут быть обозначены в общем виде как «страдания от бессмысленности жизни». В. Франкл выделял три основных линии нахождения жизненных смыслов: 1) через креативные ценности или ценности деятельности, 2) через ценности переживаний, 3) через ценности установки или ценности страдания. Смысл деятельности может быть понят как глубокая ментально-эмоциональная связь человека со своей работой или иным занятием. Ценности переживания – как глубокая ментально-эмо-

циональная связь с другими людьми, культурными артефактами, природной средой, трансцендентным началом (Богом) и др. Ценности страданий могут быть поняты в свете моральной способности преодоления травмирующей ситуации с достоинством, т.е. человек может обрести смысл в достойном перенесении страданий, от которых он не в силах избавиться. Однако жизненные смыслы надо рассматривать не только как результаты поиска ответов на вопрос «ради чего?», но также и как результаты поиска ответов на идентификационный вопрос «кто я?». Другими словами можно говорить о связи жизненных смыслов как значений и смыслов как ценностей. Они являются взаимосвязанными, также как и экзистенциальные вопросы «ради чего?» и «кто я?».

В качестве примера можно рассмотреть, актуальную в связи с прошедшим чемпионатом мира ситуацию футбольного болельщика. Связаны ли его переживания только с эстетическим восприятием игры? Очевидно, что в большинстве случаев мы будем иметь дело с определённой самоидентификацией себя с конкретной командой. В случае такого «боления» очень сложно решить вопрос о том, что первично: игровой азарт, который определяет конкретную идентификацию или идентификация, которая определяет азарт переживания. Ещё более очевидной связь конкретной идентичности с ценностями переживания становится на уровне поддержки национальной сборной. Чем в таком случае конструируется накал переживаний болельщика, если не определённой самоидентификацией?

Обобщая нашу теоретическую позицию, надо сказать, что интерессубъективная действительность (например, конкретные социальные практики и культурно-исторические общности) зависит от ключевых характеристик человеческой экзистенции. В терминологии проекта экзистенциальной аналитики Dasein М. Хайдеггера эти характеристики были определены как экзистенциалы [9, с. 44]. В качестве одного из ключевых экзистенциалов можно рассматривать тягу к смыслу, которая и продуцирует поиск ответов на вопросы: «зачем?/ради чего?» и «кто я?».

3. Экзистенциально-смысловая связь уровней социально-антропологической идентичности

Экзистенциальное понимание феномена идентичности позволяет связывать различные уровни (социально-антропологической) идентичности: персональный, социокультурный (социальный), антропологический. В современном социогуманитарном дискурсе эти уровни, как правило, исследуются изолированно. Актуальность построения целостной теоретической модели связана с тем простым фактом, что человек, одновременно, является самим собой (понимает себя как себя), имеет определённое место в бытии с другими (понимает себя в определённых социокультурных характеристиках) и является человеческим существом (понимает себя как человека). Очень хорошо связь уровней идентификации можно увидеть на примере эпизода романа Р. Киплинга «Ким», когда главный герой (белый мальчик-подросток) впервые размышляет о себе и своей судьбе. Здесь уместно будет привести цитату: «Я прыгаю с места на место, как мяч, который подбрасывают. Это моя кисмат¹. Ни один человек не может избежать своей кисмат. Но мне придется молиться Биби Мириам², и я – сахиб³, – он уныло взглянул на свои сапоги. – Нет. Я – Ким. Вот великий мир, а я только Ким. Кто такой Ким?» [2, с. 103]. Здесь мы видим, что вопрос о понимании самого себя явным образом переплетается с пониманием конкретных параметров своего бытия-с-другими в их значимости. При этом рефлексия конституируется и параметрами антропологического понимания – ситуация бытия человеком означает для мальчика наличие конкретного предназначения в его жизни («кисмат»).

Экзистенциальный подход предполагает осмысление различных уровней социально-антропологической идентичности в их взаимосвязи. Идентификация здесь может быть определена как процедура **смысловой связи себя** с конкретными параметрами своего бытия с другими. Бытие кем-то (например, человеком, мужчиной и др.) долж-

¹ Судьба, предопределённость, предназначение.

² Деве Марии.

³ Т.е. европеец.

но что-то значить, в противном случае сложно говорить о смысловой стороне жизни (или аспекта жизни). Хорошую иллюстрацию к этой мысли можно найти в полевой практике известного российского антрополога Я.В. Чеснова. По воспоминаниям исследователя в одной из абхазских деревень его пригласил в гости (с последовавшим полноценным кавказским застольем) ранее незнакомый абхаз, со словами: «зайди, чтобы я человеком был» [11, с. 392]. Быть человеком – не означает просто отождествлять себя с конкретным сущим именуемым человеком. Это означает жить и поступать по-человечески. При этом сама эта потребность носит личный характер («чтобы я – был человеком») и определяется конкретными социокультурными практиками, например, в данном случае традицией гостеприимства. Таким образом, нельзя говорить о том, что антропологическая идентификация является слабой и абстрактной по сравнению с конкретными и сильными социокультурными. Скорее речь должна идти о том, что сама ситуация «быть человеком» может или иметь в конкретном случае значение (смысл), или не иметь его.

Самоидентификации нельзя свести к простым манифестациям сознания. Поэтому они не редуцируются ни до логико-онтологической процедуры родовидового различения себя от остального сущего, ни до процедуры отождествления себя с определённым сконструированным образом. В этом смысле антропологическая идентификация несёт в себе персональные смыслы, которые при этом опосредуются культурной средой, но по своей значимости они имеют экзистенциальный характер. Соответственно, надо сказать, что не только наша персональная идентичность и наши социальные идентичности¹, выражают содержательные характеристики опыта и смысла нашего бытия, но также и антропологическая идентификация.

Явления современной жизни, которые часто принято определять как процессы размывания и кризиса социокультурных иден-

¹ Здесь надо заметить, что о социокультурных идентичностях принято говорить не только по отношению к отдельным людям, но и по отношению к общностям. Поскольку статья ориентирована на прояснение экзистенциальных аспектов идентификации, то и акцент, соответственно, делается на социокультурные идентичности личности.

тичностью можно понять в качестве результата смысловых разрывов с определёнными идентификациями. Концептуализацию таких смысловых разрывов в западной мысли, по-видимому, можно связать уже с раннехристианской идеей «метанойи» (от др.-греч. Μετάνοια – «перемена ума», «переосмысление») – т.е. с идеей мгновенной радикальной перемены, радикального жизненного поворота, который может кардинально изменить человека. Здесь можно вспомнить историю ап. Павла, духовное преображение которого согласно христианской традиции произошло мгновенно и в достаточно зрелом возрасте [Деян. 9.1-9.30]. Можно ли считать «мытаря Савла» и «апостола Павла», которым он стал, одним человеком? Думается, что если и да, то только в логико-онтологическом смысле, но не в личностно-смысловом. Переживание метанойи связано с резким смещением человека к благу, тогда как процесс разрыва идентичности растянут во времени и может представлять как этически нейтральным, так и проблемно-негативным явлением. В качестве примера последней возможности можно указать факты вступления в радикально-террористические группы, сопряжённые при этом с отказом от одной социокультурной идентичности и обращением к другой. В частности хорошей иллюстрацией является приток европейцев, не имеющих арабских или африканских корней, в радикальные исламистские организации. Особенно характерна здесь практика онлайн вербовки активистами ИГИЛ и других радикальных структур молодых девушек и женщин (для секс-джихада или для подготовки террористок-смертниц), испытывающих психологические проблемы, которые на языке логотерапии могут быть определены как «экзистенциальный вакуум».

Экзистенциальное видение проблемы является средней методологической позицией между конструктивистским и эссенциалистским подходом. Основное методологическое различие подходов заключается в различной трактовке природы и оснований социальных идентичностей. Если радикальный конструктивизм предполагает сведение таких оснований к нулю, то крайне эссенциалистская позиция фактически приравнивает идентичность исключительно к этим ос-

нованиям. Суть первого подхода может быть выражена в известном определении С. Хантингтоном идентичностей как «воображаемых сущностей» [10, с. 51–52]. При этом если теоретиками-конструктивистами, как правило, выражается общая установка о принципиально конструируемом характере любых идентичностей, то их оппоненты, как правило, защищают основания конкретных идентификаций: народа, гендера, культуры и т.д. В общем виде суть предельно эссенциалистской позиции может быть выражена следующим образом: идентичности являются объективными данностями, которые отражаются в сознании, культуре, политике, поведении и др.

Экзистенциальный взгляд на проблему ближе к умеренным позициям в рамках этих подходов, при этом он позволяет глубже прояснить связь социокультурного и персонального уровней идентификации. В частности, говоря о умеренно конструктивистской линии, можно отметить идею о наличии границ социального конструирования. Эта идея разделялась такими известными теоретиками как П. Бергер и Т. Лукман. Границы можно легко обнаружить, например, в биологических фактах: «Как говорили английские правоведы, парламент может все, кроме одного: он не может заставить мужчин вынашивать детей. Если парламент попробует это сделать, сие начинание столкнется с неизменными фактами человеческой биологии» [1, с. 291]. Думается, что понимание подобных границ должно быть принципиально расширенно, поскольку они могут иметь не только биологический, но и историко-культурный, историко-географический, духовно-символический или иной характер. Например, достаточно сложно представить себе гипотетический программный документ, который предполагал бы включение Краснодарского края в Арктическую зону Российской Федерации. Эти границы следует рассматривать в качестве интерсубъективных оснований конкретных идентификаций. При этом сами основания на личностном уровне могут как осваиваться, так и отчуждаться. Ситуация смыслового отчуждения и порождает те явления, которые могут быть определены как разрывы идентичности. Таким образом, конкретные социокультурные идентичности должны быть поняты в

качестве смысловых возможностей, а не в качестве уже имеющихся данностей или всего лишь конструкторов сознания.

Выводы

Социально-антропологические аспекты феномена идентичности не могут быть удовлетворительно поняты только лишь в логико-онтологическом ключе в качестве проблемы отождествления и различения. Понимание персональной идентичности в качестве простой тождественности приводит к сложно разрешимым парадоксам, подрывающим её значимость. В качестве теоретической альтернативы может рассматриваться экзистенциальный подход. Основанием экзистенциального взгляда на феномен идентичности является идея о взаимосвязи идентифицирующего вопроса «Кто Я?» и смысложизненного вопроса «Ради чего?». Идентичность, понятая таким образом, может быть определена в качестве смысловой связи человека с самим собой и с конкретными параметрами собственного бытия с другими. Три уровня самоидентификации (персональный, социокультурный, антропологический) следует рассматривать в их принципиальной взаимосвязи в контексте проблемы экзистенциального самоопределения человека.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
2. Киплинг Р. Ким. Москва: Советский композитор, 1991. 256 с.
3. Локк Дж. Собрание сочинений в 3 т. Т.1. Москва: Мысль, 1985. 624 с.
4. Орлова Э.А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 170–191.
5. Рикёр П. Повествовательная идентичность // Библиотека Гумер (сайт). – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (дата обращения 2.07.2018)
6. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 2. С. 100-121.
7. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А.В. Лебедева, перевод А.В. Лебедева Ч. 1. Москва: Наука, 1989. 576 с.

8. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000. 286 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время Санкт-Петербург: Наука, 2006. 452 с.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 637 с.
11. Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. Москва: Канон +: Реабилитация, 2014. 496 с.
12. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Т.4. №3-4. С. 158–181.
13. Parfit D. The Unimportance of Identity // Pablo Stafforini (сайт). URL: http://www.stafforini.com/txt/parfit_-_unimportance_of_identity.pdf (дата обращения 4.07.2018).

References

1. Berger P., Luckmann T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p.
2. Kipling R. *Kim* [Kim]. Moscow: Sovetskij kompozitor publ., 1991. 256 p.
3. Locke J. *Sobranie sochinenij v 3 t. T.I.* [Collected works in 3 vol. vol. 1] Moscow: Mysl' publ., 1985. 624 p.
4. Orlova E.A. Konceptii identifikacii/identichnosti: antropologicheskaja traktovka [Concepts of identification/identity: anthropological treatment] *Voprosy social'noj teorii*. 2011. vol. V. (2011), pp. 170–191.
5. Ricœur P. *Povestvovatel'naja identichnost'* [Narrative identity]. Biblioteka Gumer (website) URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php (Accessed: 2.07.2018)
6. Teta Zh.-M. Narrativnaja identichnost' kak teorija prakticheskoy sub-ektivnosti. K rekonstrukcii koncepcii Polja Rikjora [Narrative identity as a theory of practical subjectivity. An essay on reconstruction of Paul Ricœur's theory]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2012. vol. 11. no. 2. (2012), pp. 100–121.
7. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov* [Fragments of early Greek philosophers] ed. by A.V. Lebedev. vol. 1. Moscow: Nauka publ., 1989. 452 p.

8. Frankl V. *Osnovy logoterapii. Psihoterapija i religija* [Principles of Logotherapy. Psychotherapy and Religion]. Saint Petersburg: Rech' publ., 2000. 286 p.
9. Heidegger M. *Bytie i vremja* [Being and Time]. Saint Petersburg: Nauka publ., 2006. 496 p.
10. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj iden-tichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow: AST: AST MOSKVA publ., 2008. 637 p.
11. Chesnov Ja.V. *Narodnaja kultura. Filosofsko-antropologicheskij podhod*. [National culture philosophical-anthropological approach]. Moscow: Kanon +: Reabilitacija publ., 2014. 576 p.
12. Jadov V.A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti [Social and social and psychological mechanisms of formation of social identity of personality]. *Mir Rossii*. vol. 4. no 3–4. (1995), pp. 158–181.
13. Parfit D. *The Unimportance of Identity*. Pablo Stafforini (website). http://www.stafforini.com/txt/parfit_-_unimportance_of_identity.pdf (Accessed: 4.07.2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Воронov Василий Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет»
ул. Капитана Егорова, 15, Мурманск, Российская Федерация
Voronov.mspu@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Voronov Vasily Mikhailovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences
Murmansk Arctic State University
15, Captain Egorov st., Murmansk, Russian Federation
Voronov.mspu@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-43-59

УДК 378.54.6

ЛИЧНОСТНЫЕ МОТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Решетникова Е.В.

В статье рассматривается специфика развития личностных мотивов современной молодёжи в участии в различных проектах социального образования. Обозначается разрыв между идеальными ценностями и идеалами социального образования, декларируемыми в образовательных стандартах и официальных документах и реальными рационально-практическими стратегиями молодых людей, рассчитывающих получить определенные выгоды от участия в тех или иных социальных проектах, выстроить социальную карьеру в виде социального лифта или приобрести новые знакомства и связи для преумножения социального капитала. В работе используются материалы опроса, проведенного среди молодежи 18–23 лет в разных городах России, в количестве 2400 человек, а также приводятся данные контент-анализа СМИ (газеты «Аргументы и Факты», «Московский комсомолец») и социальных сетей (VK, Facebook, Инстаграмм), показывающих динамику общественного звучания социального образования, изменение смыслов, целей и задачи, инструментов его получения, как на формальном уровне (официальные публикации в СМИ с 2000 по 2018 годы), так и на неофициальном уровне (информирование об участии в том или ином социальном проекте у себя на странице в различных социальных сетях). Это также выявило общие черты конструирования общественного дискурса – через официальные публикации, формирующие отношение к социальному образованию и личные страницы в социальных сетях; индивидуально показать личную вовлеченность и включенность в определенные сообщества, наличие значимых социальных контактов и связей, конструирующих социальный капитал

молодого человека, его возможные дальнейшие жизненные траектории и стратегии построения социальных лифтов. На сегодняшний день, мы констатируем наличие несогласованности официального и неформального дискурса получения социального образования, но прагматизм и рациональное осмысление перспектив этого вида деятельности дает надежду на конструктивное соединение и воплощение на практике в прикладных и универсальных программах обучения механизмам социального образования молодых людей в вузах страны. Примером тому могут служить различные формы дополнительного образования, с получением удостоверений государственного образца о социальном образовании или приложение к диплому в виде свидетельства государственного образца, выдаваемого вузами для лиц прошедших подготовку в рамках социального образования.

Ключевые слова: социальное образование; ценности; мировоззрение; прикладные задачи; ресурсы социального образования; мотивы участия; социальный лифт; социальный капитал.

PERSONAL MOTIVES FOR THE REALIZATION OF SOCIAL EDUCATION IN THE YOUTH ENVIRONMENT

Reshetnikova E. V.

The article deals with the specifics of the development of personal motives of modern youth in participating in various projects of social education. The gap between ideal values and the ideals of social education, declared in educational standards and official documents and real rational and practical strategies of young people, expecting to receive certain benefits from participation in various social projects, build a social career in the form of a social elevator or acquire new acquaintances and connections for the multiplication of social capital. The work uses materials from a survey conducted among young people aged 18 to 23 in various cities of Russia, in the number of 2,400 people, and also pro-

vides data on the content analysis of the media (newspapers Argumenty i Fakty and MoskovskyKomsomolets) and social networks (VK, Facebook, Instagram), showing the dynamics of the social sounding of social education, changing the meanings, goals and objectives, tools for obtaining it, both at the formal level (official publications in the media from 2000 to 2018), and at the informal level (informing about participation in tom or other m social project on their own page on various social networks). This also made it possible to identify common features of the construction of public discourse through official publications that shape attitudes towards social education and personal pages in social networks, which allows one to individually show personal involvement and inclusion in certain communities, the presence of significant social contacts and connections that construct the social capital of a young person, its possible further life trajectories and the possibilities of constructing social elevators. To date, we note the lack of coordination between the formal and informal discourse of social education, but pragmatism and rational understanding of the possibilities of this type of activity allow us to hope for a constructive combination and implementation in practical and universal programs of education of young people's social education in higher education institutions of the country.

Keywords: *social education; values; world outlook; applied tasks; resources of social education; motives of participation; social elevator; social capital.*

Введение

Социальное образование – технология личностного и социального развития, базирующаяся на социальном моделировании как общественного развития, так и личностного. В данной работе социальное образование трактуется как цель развития человека в рамках общего не профессионального образования. В современных условиях роста социальной аномии, социальной отчужденности, роста деструктивного поведения среди различных слоев населения, необходимо на государственном уровне выстраивать новые условия воспитания человека, соответствующего потребностям новой

эпохи. Человека, который не разрушает себя и общество, а служит ему и способствует развитию и воспроизводству.

Ключевой идеей социального образования является научно обоснованное многомерное формирование личности человека, способной создать новые реалии общественного воспроизводства. Социальное образование призвано не только целостно развивать и социализировать человека, но и структурировать формы развития российского общества. Целью социального образования является формирование социального мышления человека, способного сочетать в себе индивидуальные и социальные интересы личности и общества.

Практическая значимость изучения основных моментов формирования социального образования, и более детально-ценностных основ социального образования позволяет говорить о фундаментальных процессах аксиологической трансформации личности человека в процессе современных изменений общественного развития; выработке новых ориентиров и механизмов получения нового опыта, нового знания, способного регулировать общественное воспроизводство. Также, именно прикладные аспекты социального образования позволяют говорить о многофункциональности и разнонаправленности системы высшего образования в целом, благодаря которому личность студента может развиваться многогранно.

Глобализация и виртуализация, дают возможность говорить о том, что сегодня формируется человек нового формата, и ценности социального образования в новом мире, обновленной личности находят новые, не привычные для человека XX века места и формы реализации, более того, задачи социального образования в новой социальной среде трансформируются. Поэтому целью данной статьи стало изучение ценностных основ социального образования, регулирующих основные моменты формирования личности человека Нового XXI века.

В работах ряда авторов (Е.М. Бабосов [3], Н.В. Гарашкина [4], О.В. Солодянкина [15]) указываются отдельные подходы изучения социального образования, его роли и места на современном

этапе общественного развития, учитывая глобализационные и социокультурные изменения общественного развития. Отдельные авторы изучают новые формы социального служения, далекие от религии и идеологии, но строящаяся на ценностях альтруизма и толерантности и более того, эти формы деятельности отличаются от той социальной функции комсомола и других общественных организаций советского времени. Сегодня формируется пространство ценностей нового социального служения. СС. Аносов говорит о ценностях и механизмах волонтерской деятельности [1,2], Е.В. Решетникова об аксиологии добровольческой деятельности в городах и регионах России [12, 13], В.А. Решетников, В.С. Федчин и О.А. Полюшкевич изучают процессы социальной эмпатии, философии благодарности и в целом социальном образовании как новом векторе развития образования [11]. В исследовании П.А. Трескина [16], О.А. Полюшкевич [7, 8, 9] и коллег рассматриваются условия развития социального образования через межсекторное взаимодействие и различные способы социального моделирования, которые показывают изменения ценностей тех, кто участвует в реализации программ социального образования и тех, кто организует эти программы. В работе В.А. Скуденкова изучаются социальные предпосылки формирования нового лидерства в обществе, которое способно создать модель «нового человека», отвечающего требованиям быстроменяющегося мира [14], в статье Е.В. Мамуркова [5] показывается роль публично-творческой деятельности студентов в процессе социального образования и в исследовании А.Н. Пружинина [10] место университетской среды в целом в формировании социального обучения студентов.

Таким образом, на теоретическом уровне сложилась картина того, какими ценностями в современном обществе в общем виде должно обладать социальное образование. В разных регионах при не одинаковых условиях социальной политики реализовываться оно может не одинаково. Но это не означает, что ценностные основы социального образования нереальны и далеки от обычной жизни. Наоборот, они опираются на потребности молодежи. Какие

социальные установки востребованы на глубинном уровне, а не являются показными при навязывании норм массовой культуры.

Рассмотрим более детально подходы изучения социального образования, сложившиеся на сегодняшний день в образовательной практике.

Подходы понимания социального образования

- 1) **Мировоззренческий** – какие основы лежат в потребности социального образования, какие механизмы активируют механизмы социального служения. Социальная работа не как профессия, а как призвание (не имеется в виду профессиональное образование в данной сфере).
- 2) **Профессиональный** – выход за выполнение минимальных обязательных норм и правил, позволяет стать специалисту мастером, профессионалом своего дела. Данный выход может обеспечить социальное образование.
- 3) **Педагогический** – воспитание личности таким образом, что она чувствует свою ответственность за развитие других (как отдельных людей, так и всего общества и Планеты в целом). Социальная ответственность как условие эволюции[6].

Данные подходы отражаются в образовательных стандартах различных специальностей и позволяют регулировать социальное образование на формальном уровне. Соединение этих трех методологических подходов может приоткрыть механизмы формирования и развития социального образования и социального моделирования. Объектом социального образования в широком смысле является целостная система образовательного влияния на социальное развитие личности и общества, в узком смысле – специально организованные профессиональные действия, направленные на формирование (или восстановление) адаптации к социальному функционированию. Также объектом воздействия в социальном образовании является сам человек, с его интеллектуальным, нравственным, духовным и культурным потенциалом и уровнем развития. Для изучения данного предположения мы провели собственное исследование.

Цель и методы исследования

В 2018 году Институт социальных наук Иркутского государственного университета, провел исследование изучения мотивов и ценностей социального образования современной студенческой молодежи. В опросе приняло участие 2400 студентов вузов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ярославля, Самары, Саратова, Екатеринбурга, Томска, Омска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Хабаровска, Владивостока). Все респонденты: в возрасте от 18 до 23 лет, 60% девушки и 40% юноши. Все они обучаются в вузах, на различных специальностях (2–4 курсов бакалавриата и 1–2 курса магистратуры).

В исследовании применялись такие методы как опрос, с учетом ценностных ориентиров молодежи, и контент-анализ материалов СМИ (газеты «Аргументы и Факты» и «Московский комсомолец») и социальных сетей за 2000–2018 гг. В контент-анализе прессы приняли участие материалы социальных сетей (в VK, Facebook, Инстаграмм), где изучались социальные стратегии молодых людей, их вовлеченность в социальные проекты и участие в общественной жизни, а также отражение этой деятельности у себя на страницах и профилях.

Контент-анализ социальных сетей и СМИ осуществлялся через программу Cawdad Desktop. Контент-анализ дает возможность провести качественный или количественный анализ содержания текстового массива, выявить положительные и отрицательные контексты социального образования и объем в общем массиве данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Все опрошенные были задействованы в общественной деятельности, на формальной основе (52%) (при целенаправленном обучении и подготовке как по специальности – социальная работа, социальная педагогика, государственное и муниципальное управление или курсов волонтеров, курсов добровольцев), так и на неформальной основе (48%), когда их личное желание участвовать в том или ином общественно важном мероприятии *привело к тому, что они*

приняли участие в какой либо акции (сбор денег для лечения ребенка, помощь игрушками детскому дому и т.д.). Более детально ответы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Периодичность участия студентов в формальной и неформальной общественной деятельности (в %)

Периодичность участия	Формальная основа	Неформальная основа
Несколько раз в неделю	55	5
Несколько раз в месяц	20	15
Несколько раз в год	15	40
Очень редко	5	35
Никогда	5	5

Как видно из таблицы, неформальная основа охватывает большее количество участников, но при этом менее регулярно позволяет быть членом социально значимых мероприятий. Формальная основа – сужает круг участников, так как требует регулярного времени для реализации поставленных задач, в ней задействованы более мотивированные и социально активные студенты.

При этом, только 30% опрошенных заявили, что их вовлеченность в социальные проекты, способствующие расширению ценностей социального образования как-то соприкасается с получаемым ими образованием в социальной сфере (группа помогающих профессий: психологи, врачи, социальные работники и т.д.). Остальные 70% сказали, что их будущая профессиональная деятельность и социальная активность не имеют формальной взаимосвязи (программисты, инженеры, дизайнеры, агрономы и т.д.)¹.

Их личная вовлеченность в социально значимые профессии вызвана личными убеждениями (36%), примером уважаемых ими личностей (телезвезд, музыкальных певцов, педагогов, родителей или других значимых людей) – 27%, жизненные обстоятельства (как правило, потеря близких, катастрофы, личные кризисы) – 24%,

¹ В исследовании не ставилась задача разделения на «помогающие специальности» и иные. Респонденты воспринимались как общая группа студентов.

новый жизненный опыт (желание познакомиться с новыми людьми, не похожими на тебя, **новые контакты**, которые могут помочь в будущем и т.д.) – 13%.

Личные убеждения: *«так правильно поступать»* (О.И., 19 лет, Омск), *«надо жить по совести»* (А.Н., 20 лет, Улан-Уде), *«надо помогать тому, кому можешь помочь лично ты»* (А.А., 18 лет, Томск).

Уважаемые личности: *«я беру пример с моих родителей – они всегда помогали тем, кому нужна была помощь», «я ровняюсь на Чулпан Хаматову, она желая помочь одному ребенку по онкологии своих родственников нашла деньги на лечение, а потом организовала целый фонд помощи детям страдающим от рака. Это для меня стало ярким примером как стоит жить И теперь, я – волонтер детского онкоцентра»* (О.Н., 19 лет, Иркутск), *«Я верю в Бога, как и вся моя семья. Поэтому считаю своим долгом помогать при церковной воскресной школе учить слову Божьему деток»* (Е.Г., 21 год, Новосибирск).

Жизненные обстоятельства: *«у меня два года назад погибла мама в аварии по вине пьяного водителя, это заставило меня стать участником добровольной дружины по проверке водителей на трезвость. Каждую неделю по несколько человек мы фиксируем и передаем данные в ГИБДД»* (О.В., 20 лет, Хабаровск), *«мой друг погиб от СПИДа, когда ему было только 17 лет, теперь я работаю в центре профилактики СПИДа среди школьников, читаю лекции, провожу мастер-классы. Я хочу повлиять на жизнь ребят, предотвратить какие-то жизненные и семейные катастрофы»* (Д.Б., 20 лет, Новосибирск).

Новый жизненный опыт: *«я стала помогать инвалидам при инклюзивном центре, потому что захотела увидеть мир ИХ глазами, понять, в чем их проблемы и как лично Я могу помочь их решить»* (О.С., 19 лет, Москва), *«Я участвую в программе «почетный донор», так как тут встречаются разные люди, которые могут быть полезны в будущем, уже сейчас познакомился с некоторыми ребятами, которые помогли мне пройти практику в Аппарате губернатора, съездить на Международный форум. Это выгодно – быть социально ответственным»* (Ж.А., 20 лет, Владивосток).

Как мы видим, установки участия в различных социальных механизмах социального образования отличаются, они зависят от ценностей человека и ценностей той среды, в которую он погружен. Регулирование и тиражирование этих ценностей через ТВ и социальные сети, по нашему мнению, может помочь увеличить потребность в получении социального образования молодежью.

Около 95% молодых людей заявили, что для них важно, что о них думают другие и поэтому свою общественную, добровольческую и какую-либо другую деятельность они всегда отражают на своих социальных страницах (см. таблицу 2). Девушки более часто это делают, в отличие от юношей, но и те и другие считают это очень важной точкой фиксации своей деятельности, так как именно таким образом формируется их имидж и социальный капитал, который в последующем они смогут использовать при трудоустройстве на работу, установлении новых дружеских связей, новых уровнях и качестве социальной коммуникации.

Таблица 2.

Как часто вы выставляете информацию о своей общественной или какой-либо другой социально-значимой деятельности в различных социальных сетях? (в %)

Частота выставления информации	Девушки	Юноши
Каждый день	20	5
Несколько раз в неделю	45	35
Несколько раз в месяц	25	40
Несколько раз в год	10	15
Никогда	0	5

Иными словами, будущее социального образования за теми важными идеями и идеалами современной молодежи, которые направляют их мысли, поступки и действия сегодня. Молодежь не однородна. Палитра ценностей достаточно многогранна (от рационального расчета, до личных убеждений). Но для всех важна внешняя оценка, через социальное позиционирование себя, своей жизни, своей социальной активности через различные социальные сети и это может стать одним из рабочих инструментов социального образования молодежи.

Контент-анализ, проведенный в социальных сетях (VK, Facebook, Инстаграмм), выявил, что участие в социальных проектах, вовлеченность в социальное образование – является поводом для молодых людей заявить о себе, показать себя с новой и/или более выгодной стороны. Вовлеченность в социальные проекты для большей части молодежи выступает инструментом социализации, зачастую рационально просчитана. Чем больше друзей и подписчиков у молодого человека, тем больше вероятность того, что у него на странице будут регулярно отражаться его личные события, связанные с социальными проектами, социальным образованием или другими технологиями социального служения.

В анализе материалов СМИ, посвященных социальным проектам и социальному образованию выявляется существенная динамика и рост объема внимания от 2000 к 2018 году, количество и качество публикуемых материалов формирует общественное мнение, социальные стереотипы и установки, которые наполняют новыми смыслами и целями социальное образование как на высоком (идеологическом), так и на прикладном (практической мотивации включенности в данный вид деятельности) уровне (более наглядно см. в таблице 3). Именно это позволяет говорить об усилении формального и неформального интереса общественности к данному вопросу, расширению сфер и механизмов его применения и дальнейшего развития в будущем.

Таблица 3.

**Динамика освещения социального образования в СМИ с 2000 по 2018 гг.
 (в % объеме внимания)**

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Участие в общественной работе	23	26	29	32	33	35	31	36	34	25	22	26	29	32	35	36	35	38	35
Благотворительная деятельность	15	17	19	21	22	23	23	25	22	22	24	26	27	25	28	29	31	32	33
Волонтерство	12	14	16	18	19	22	25	25	27	30	26	24	23	26	29	30	33	31	35
Добровольчество	13	15	14	15	17	19	21	23	25	28	29	30	28	29	30	32	32	33	34
Иная форма социального образования	5	6	9	12	9	13	15	14	15	16	15	17	18	19	20	17	16	16	19

В средствах массовой информации отражаются социально значимые ориентиры и векторы общественного развития. То, что появляется все больше и больше материалов, отвечающих интересам различных социальных групп, вовлекающих молодежь в реализацию этих проектов и программ, позволяет говорить о социальной значимости и востребованности нового механизма активизации социальной активности молодежи. Социальное образование выступает в этом случае – реальным механизмом его воплощения на практике.

Интересным является тот факт, что в СМИ обозначаются не высокие ценности и идеалы социального образования, отраженные в стратегиях развития вузов, образовательных стандартах различных специальностей (социальная работа, психология, социальная педагогика и т.д.), миссиях многих общественных некоммерческих организаций, а практические возможности и реальные цели, достигаемые отдельным человеком или группами людей благодаря участию в социальных проектах, общественных инициативах и иных технологиях социального образования.

На наш взгляд, эти новые смыслы трансформируют и реальные поведенческие стратегии молодежи, которые мы обозначили выше, при анализе результатов нашего исследования. Более того, происходит смешение подходов (педагогического, профессионального и мировоззренческого) в контексте достижения прикладных конкретных задач, порой не касающихся высоких идей и материй, а преследующих конвертные цели и задачи (от формирования нового круга знакомых, до большей известности в определенном сообществе; от активности социальной позиции до возможности реализовать на практике свои идеи) и так далее.

Выводы

Социальное образование – это будущее общего образования человека. Без его развития невозможно представить общество XXI века. И дело даже не в гуманности и гуманистических ценностях, а в принципах и нормах мышления, особенностях социальной эво-

люции, выхода человека и всего общества на новый уровень развития и общественного воспроизводства. Как показано в нашем исследовании, социальное образование стало приобретать более рациональные цели, которые могут служить молодым людям своеобразным социальным лифтом, общественной лестницей развития, получения новых знакомств, связей, опыта. Всего того, что можно назвать социальным капиталом и социальными ресурсами, для построения более успешной карьеры и в целом жизненной траектории.

В общественном мнении через активную пропаганду СМИ формируются новые установки, цели и задачи социального образования. Возрастает интерес к социально активной личности способной регулировать свои личные и социальные задачи, используя различные инструменты и технологии, в том числе и инструменты социального служения.

Социальная динамика должна строиться на новых условиях общественной эволюции, сочетающей идеалы развития и рационализм в соблюдении норм. Эти условия могут сформировать ценности социального образования, которые только сегодня зарождаются, проходят апробацию и систематизируются, строя каркас ценностных и мировоззренческих установок людей будущего. Сегодняшними глашатаями этих процессов выступают активные, инициативные, социально небезразличные студенты, при этом понимающие свои выгоды и способные просчитать социальные эффекты от включенности в те или иные социальные проекты.

Безусловно, современная молодежь прагматична и рациональна, но высшие идеалы и ценности также определяют поведение существенной доли молодых людей. Личностные основы формирования мотивов получения социального образования многогранны, но они показывают сложную систему личностных интересов современной молодежи.

Ресурсы социального образования могут помогать реализовывать и внутренние потребности и внешние ориентиры, которые

предлагает современное общество для «успешных» и «амбициозных» молодых людей. Социальные сети и вообще все пространство интернета может стать основой для социального моделирования личности человека будущего. Не учитывая этого потенциала, сложно добиться успеха.

Как показало наше исследование – практические основы социального образования позволяют современным молодым людям регулировать свою социальную активность, быть включёнными в различные социальные группы и позиционировать себя с новых сторон. Социальное образование сегодня – это инструмент социализации личности в новых условиях общественного развития. Это нужно учитывать при формировании официальных и неофициальных программ и стратегий образования молодежи.

Список литературы

1. Аносов С.С. Волонтерская деятельность студентов: социально-философский и прикладной анализ // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 33–35.
2. Аносов С.С. Философия волонтерского движения или новые формы социального служения // *Гуманитарный вектор*. 2018. № 2. С. 6–13.
3. Бабосов Е.М. Концептуализация понятия «инновация» применительно к социальному образованию // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2011. № 11. С. 26–29.
4. Гарашкина Н.В. Прогностический подход к социальному образованию // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 12–1 (104). С. 101–107.
5. Мамурков Е.В. Публично-творческая деятельность студентов // *Трансгрессия социокультурного пространства* Материалы всероссийской конференции. Иркутск. 2016. С. 158–164.
6. Основы социального моделирования: учебное пособие / О.А. Полюшкевич, Ю.В. Борисова, Л.Н. Батянова, Р.В. Иванов. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2017. 190 с.

7. Полюшкевич О.А. Образование и социокультурная солидарность // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2011. № 7. С. 19–22.
8. Полюшкевич О.А. Социальное образование как технология социальных лифтов // *Социальное образование в современной России: смена парадигм и поиск новых решений научно-методические материалы: К 25-летию социологического образования в России*. Иркутск, ИГУ. 2014. С. 96–99.
9. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // *Гуманитарный вектор*. 2017. № 1. С. 67–74.
10. Пружинин А.Н. Социальный капитал университетской среды // *Университет в глобальном мире: новый статус и миссия сборник материалов XI Международной научной конференции*. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет. Москва. 2017. С. 697–699.
11. Решетников В.А., Полюшкевич О.А., Федчин В.С. Основные направления социального образования // *Социодинамика*. 2016. № 4. С. 52–58.
12. Решетников В.А., Решетникова Е.В. Проблемы социального образования как фактора гуманистической реформации // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. Т. 6а. С. 40–43.
13. Решетникова Е.В. Взаимосвязь социальной политики и социального образования в пространстве регионального развития // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 149–154.
14. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 2. С. 180–184.
15. Солодянкина О.В. Междисциплинарный подход к социальному образованию // *Вестник Удмуртского университета*. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 3–2. С. 112–118.
16. Трескин П.А. Роль института образования в межсекторном взаимодействии // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2014. № 4. С. 71–75.

References

1. Anosov S. S. *Alma mater*. 2018. № 5, pp. 33–35.

2. Anosov S.S. Gumanitarnyy vektor. 2018. № 2, pp. 6–13.
3. Babosov E.M. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2011. № 11, pp. 26–29.
4. Garashkina N.V. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2011. № 12–1 (104), pp. 101–107.
5. Mamurkov E.V. *Transgressiya sotsiokul'turnogo prostranstva Materialy vserossiyskoy konferentsii* [Transgression of sociocultural space Materials of the All-Russian Conference]. Irkutsk. 2016, pp. 158–164.
6. Polyushkevich O.A., Borisova Yu.V., Bat'yanova L.N., Ivanov R.V. *Osnovy sotsial'nogo modelirovaniya* [Basics of social modeling: study guide]. Irkutsk, Izd-vo IGU. 2017. 190 p.
7. Polyushkevich O.A. *Alma mater*. 2011. № 7, pp. 19–22.
8. Polyushkevich O.A. *Sotsial'noe obrazovanie v sovremennoy Rossii: smena paradig i poisk novykh resheniy nauchno-metodicheskie materialy: K 25-letiyu sotsiologicheskogo obrazovaniya v Rossii* [Social education in modern Russia: changing paradigms and the search for new solutions. Scientific and methodological materials: To the 25th anniversary of sociological education in Russia]. Irkutsk, IGU. 2014, pp. 96–99.
9. Polyushkevich O.A. *Gumanitarnyy vektor*. 2017. № 1, pp. 67–74.
10. Pruzhinin A.N. *Universitet v global'nom mire: novyy status i missiya sbornik materialov XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [University in the global world: new status and mission collection of materials of the XI International Scientific Conference]. Moscow. 2017, pp. 697–699.
11. Reshetnikov V.A., Polyushkevich O.A., Fedchin V.S. *Sotsiodinamika*. 2016. № 4, pp. 52–58.
12. Reshetnikov V.A., Reshetnikova E.V. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. V. 6a, pp. 40–43.
13. Reshetnikova E.V. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2017. V. 22, pp. 149–154.
14. Skudencov V.A. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2013. № 2, pp. 180–184.
15. Solodyankina O.V. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2009. № 3–2, pp. 112–118.
16. Treskin P.A. *Alma mater*. 2014. № 4, pp. 71–75.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Решетникова Екатерина Владимировна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук
Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Российская Федерация
reshetnikova_ekaterina80@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Reshetnikova Ekaterina Vladimirovna, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Head of the Social Work Department of the Institute of Social Sciences
Irkutsk State University
1, Karl Marx st., Irkutsk, Russian Federation
reshetnikova_ekaterina80@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-60-69

УДК 008: 130.2

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ И ИХ ОЦЕНОК ХАРАКТЕРА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 1994–2016 гг.

Аксутин Ю.М.

В статье на основе анализа материалов социологических исследований (1994–2016 гг.) рассматриваются актуальные вопросы корреляции социально-экономического самочувствия населения Хакасии и их оценок характера межэтнического взаимодействия в республике.

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образует консенсусный подход к интерпретации содержания социокультурных феноменов, компаративистский метод анализа данных, метод формализованного интервьюирования жителей Хакасии (520 чел.).*

***Результаты.** Автор констатирует, что порядка 40% респондентов межнациональные отношения оценивают как стабильно напряженные. Пиковые значения негативных оценок межнациональных отношений приходятся на периоды экономической дестабилизации, а усиление межнациональной напряженности возникает как реакция на снижение уровня материального обеспечения жителей региона.*

***Результаты исследования** могут быть применены в сфере образования, социально-политического прогнозирования.*

***Ключевые слова:** постсоветский социум; Хакасия; межэтнические отношения; экономическая ситуация; кризис; конфликт.*

THE ANALYSIS OF CORRELATION SOCIO-ECONOMIC WELFARE OF KHAKASSIA INHABITANTS AND THEIR ASSESSMENTS OF INTERETHNIC RELATIONS DEPENDENCE 1994–2016

Aksutin Yu.M.

***Abstract.** This article is based on sociological researches 1994–2016. It describes the following issues: first, interethnic relations in post-Soviet*

Khakassia inhabitants' points of view and their characteristics; second, correlation between interethnic situation evaluation and the success in adaptation to social and economic situation. It is noticed that post-Soviet social and economic transformations influenced interethnic relations in Khakassia.

Methods or methodology of work conduct. *The base of research is the consensus approach to socio-cultural phenomenon, comparative analysis and interview of people (Republic of Khakassia – 520 people).*

The results. *The results are in the fact: about 40% of respondents consider interethnic relations to be intense. The most negative evaluations of interethnic cooperations are traditionally due to crises and economical disasters.*

The research results *can be used in education, social and political prediction.*

Keywords: *post-Soviet society; Khakassia; interethnic relations; economic situation; crisis; conflict.*

Введение

Произошедшие в России четверть века назад социально-политические трансформации имели своим следствием не только исчезновение Советского государства, но значительно осложнили экономическую ситуацию и межэтнические отношения в регионах страны. Обозначенная проблема не осталась за границами внимания исследователей. Более того, сложилась традиция конкуренции ряда теоретических подходов и моделей межэтнокультурного взаимодействия [9, с. 158]. В то же время исследования наличествующей ситуации в оценках и представлениях самих жителей регионов все еще весьма редки. Это особенно актуально для тех субъектов Российской Федерации, где взаимодействуют ежедневно и непосредственно представители разных этносов. Одним из таких субъектов является Республика Хакасия, в которой проживают представители порядка ста этнических групп. Анализ взаимосвязи между социально-экономическим самочувствием населения Хакасии и их оценками характера межэтнического взаимодействия составляет предмет нашего исследования.

Материалы и методы исследования

С целью анализа взаимосвязи оценок жителями Хакасии характера межэтнических отношений и социально-экономическим самочувствием в постсоветский период привлекались результаты вторичного анализа сопоставимых материалов (вопросы анкет сформулированы по единому образцу), проводимых в Хакасии массовых опросов 1994–2016 гг. [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10]. В качестве основного метода сбора первичных данных применялось формализованное анкетирование.

Результаты исследования

В процессе построения динамической модели социально-экономического самочувствия на основе оценок жителей республики было установлено, что степень материальной обеспеченности респондентов в 1996–2005 гг., если исходить из покупательной способности их доходов выглядела следующим образом. Доля лиц, «ни в чем себе не отказывающих», снизилась до критических значений 3,7% в 1994 г. 12% в 1996 г. и 1% в 2005 г. По мнению экспертов [10, с. 17–18] это связано с экономическими кризисами 1991 г. и особенно 1998 г., которые привели к депрессии несырьевого региона и пополнению «второй» («денег хватает на продукты и одежду» отметили в 1994 г. – 30%; в 1996 г. – 42%; 2005 г. – 42%) и «третьей» («на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения» отметили в 1994 г. – 40%; в 1996 г. – 25%; в 2005 г. – 45%). Изменения в четвертой группе «неимущих» («денег не хватает даже на продукты») имели стабильную положительную динамику, к этой категории отнесли себя в 1994 г. – 26%; в 1996 г. – 12%; в 2005 г. – 12% респондентов. В таком контексте интерес представляет анализ взаимосвязи между социально-экономическим самочувствием жителей Хакасии и их оценками межэтнических отношений в республике.

Проводимые в 1990–2000-е гг. в Хакасии исследования выявили, что порядка 50% опрошенных характеризуют межнациональные отношения в республике как стабильные (1994 г. – 43%; 1996 г. –

69%). Напротив, 35% опрошенных в 1994 г. и 21% в 1996 г. отметили наличие напряженности. Сильную напряженность отмечали порядка 3–5%. В 2005 г. уже большинство опрошенных (74%) считали межэтнические отношения в республике благоприятными, 18% ощущали напряженность, 3% чувствовали сильную напряженность. В качестве основных причин напряженности (можно было выбрать 3 варианта ответов) сами респонденты называли: ухудшение экономической ситуации (44%), миграцию (25%), бытовой национализм (13%), политическую нестабильность (13%). Анализ результатов проводимых в обозначенный период опросов позволяет сделать вывод, что социально-экономическое самоощущение жителей республики и кризисные процессы в экономике оказывали определенное воздействие на оценки напряженности межэтнических отношений. Социальный кризис и снижение материальной обеспеченности «поднимает на поверхность» старые обиды, негативные стереотипы межэтнического общения. Дестабилизация межэтнических отношений связана, помимо прочего, с трансформацией интернационалистской ментальности «советского человека», девальвацией советской идеологии с ее принципами дружбы и сотрудничества между народами, усилением миграции из Китая и бывших советских республик.

Проведенные нами в 2011–2016 гг. опросы фиксировали изменение ситуации в плане социально-экономического самоощущения жителей республики и оценок ими характера межэтнических отношений. В частности, стабильно возрастал процент относящих себя к «первой» группе, имеющих возможность приобретать вещи длительного пользования и достаточно дорогостоящие вещи (2011 г. – 27,8%; 2014 г. – 28,1%; 2015 г. – 26,4%; 2016 г. – 33,6%), за исключением посткризисного 2015 г. Серьезные подвижки наблюдались во «второй» группе, т.е. численность людей, которым хватает средств на продукты и на одежду (2011 г. – 39,5%; 2014 г. – 49%; 2015 г. – 46,4%; 2016 г. – 43,5%), возрастала до кризисного 2014 г. и поступательно снижалась к 2016 г. до значений начала 2000-х гг. Фиксировалась устойчивая положительная тенденция к снижению процента малообеспеченных (2011 г. – 22,5%; 2014 г. – 20,6%; 2015 г. – 21,5%; 2016 г. – 18,8%) и не-

обеспеченных (2011 г. – 8,3%; 2014 г. – 2,1%; 2015 г. – 7,5%; 2016 г. – 4%). Анализ результатов опросов дает основание утверждать, что стабильный рост числа высоко- и среднеобеспеченных – явление скорее кажущееся, характеризующееся значительными внутригрупповыми переходами и чувствительностью к изменениям в экономике (это рельефно проявили опросы 2014–2015 гг.).

Социально-экономические и политические процессы второй половины 2000-х гг. также оказывали на оценки респондентов характера межэтнического взаимодействия негативное воздействие, которое фиксировали результаты опроса 2011 г. Порядка 42,5% опрошенных отметили тогда, что межнациональные отношения в республике благоприятны, 41,5% ощущали напряженность и 4,5% отметили сильную напряженность. Межэтнические отношения в республике в 2013 г. описывались по-прежнему в терминах «стабильной напряженности». Благоприятными их сочли – 53,3% респондентов. Скрытую напряженность ощущали 36,5%, наличие сильной напряженности отметили 4,4% опрошенных. Однако экономически сложный период 2014–2015 гг. отметился повышением тревожности республиканского социума. До 37% в 2014 г. снизилась доля опрошенных, считающих межнациональные отношения в регионе благоприятными. Скрытую напряженность ощущали 35,2%, а сильную – 18,5% респондентов. Результаты опроса 2015 г. подтвердили прогноз посткризисного смягчения оценок характера межнациональных отношений. Более половины респондентов (54,6%) сочли межнациональные отношения в республике благоприятными. Наличие скрытой напряженности отметили 34,2% опрошенных, а сильную напряженность – 3,7% (против 18,5% в 2014 г.). Данные опроса 2016 г. подтвердили вывод о стабилизации характера межэтнических отношений в значениях предыдущего года. Процент респондентов, считающих межнациональные отношения благоприятными, продолжил снижение до 48,8%, напряженность ощущали 36,9%, а сильную напряженность – 3,8% опрошенных. В массовом сознании основными факторами эскалации напряженности выступали: бытовой национализм (31%), миграция

(28,9%), ухудшение экономической ситуации (19%), политическая нестабильность (14,6%). Отмечаемые населением республики факты усиления бытового национализма имеют свою экономическую обусловленность (поиск «виновных», «чужих» и т.п.). Негативное восприятие миграции во многом характеризуется тем, что в мигрантах усматривается угроза усиления экономической конкуренции, вытеснения местного населения из ранее занятых экономических ниш (сезонные заработки, сельское хозяйство и др.).

Обсуждение

Проблема межнациональных отношений как важная составляющая этносоциальных процессов существует практически во всех регионах России [11, с. 130–138]. Признавая комплексность состава факторов межнациональной напряженности, исследователи по-разному расставляли их в своих авторских иерархиях. Одни эксперты акцентировали внимание на процессах трансформации ценностей и идентичностей россиян [1, с. 99]. В концепциях других исследователей приоритет отдавался социально-экономическим и миграционным процессам [10, с. 26; 11, с. 197]. Результаты проведенных в регионе опросов свидетельствуют в пользу той гипотезы, что социально-экономическое самоощущение населения в регионах постсоветской России выступает одним из ведущих факторов, определяющих все важнейшие представления и оценки респондентов, в том числе в сфере межнациональных отношений.

Заключение

Проведенное в регионе исследование подтвердило, что социальные и политические трансформации двух последних десятилетий оказали значительное воздействие на самосознание жителей Хакасии. Во-первых, межнациональные отношения, по результатам проводившихся с середины 1990-х гг. опросов, жителями республики характеризуются как напряженные (порядка 35–40%). Во-вторых, наличие и стабильность напряженности определяются целым комплексом факторов, среди которых наиболее выражено влияние эко-

номических процессов в республике и стране в целом. Результаты исследования убедительно свидетельствуют, что усиление международной напряженности часто выступает реакцией на снижение уровня материального обеспечения жителей региона, усиление миграционного нажима и политическую дестабилизацию.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Хакасия в рамках научного проекта № 18-411-190002.

Список литературы

1. Аксютин Ю.М. Ценностные ориентации и этнокультурная комплементарность жителей Саяно-Алтая // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1–2. С. 99–106.
2. Жители Хакасии о своей жизни: результаты социологического исследования / Отв. ред. Л.В. Анжиганова, Г.Г. Котожеков. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1994. 72 с.
3. Межнациональные отношения в Хакасии: результаты социологического исследования / Отв. ред. Л.В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. М.; Абакан: ХРИПКиПРО Роса, 1997. 51 с.
4. Социологическое исследование (2011 г.) по проекту: «Межнациональные отношения в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания населения». Выборочная совокупность в Хакасии – 500 чел.
5. Социологическое исследование (2013 г.) в рамках ФЦП по теме: «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (соглашение: 14.В37.21.0511). Выборочная совокупность в Хакасии – 520 чел.
6. Социологическое исследование (2014 г.) в рамках Гранта Президента РФ (МК-2456.2013.6). Выборочная совокупность в Хакасии – 520 чел.

7. Социологическое исследование (2015 г.) по проекту: «Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность». Выборочная совокупность в Хакасии – 520 чел.
8. Социологическое исследование (2016 г.) в рамках Гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность в Хакасии – 520 чел.
9. Чистанов М.Н., Чистанова С.С., Маслова Т., Кудряшов И.С. Проблема построения новых теоретических моделей межкультурного взаимодействия в контексте реализации проекта «Нового шелкового пути» // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 158–172.
10. Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания / Под ред. Л.В. Анжигановой. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2006. 96 с.
11. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: СОРАН, 2015. 273 с.

References

1. Aksutin Yu.M. Tsennostnye orientatsii i etnokul'turnaya komplementarnost' zhiteley Sayano-Altaya [Value orientation and ethnic and cultural complementarity of the inhabitants of the Sayan-Altai]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. no. 10. № 1–2. (2018): 99–106.
2. *Zhiteli Khakasii o svoey zhizni: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya* [Residents of Khakassia about their lives: the results of sociological research] / Ed. L.V. Anzhiganova, G.G. Kotozhekov. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994. 72 p.
3. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Khakasii: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya* [Interethnic relations in the Republic of Khakassia: the results of sociological research] / Ed. L.V. Anzhiganova, G.G. Kotozhekov. M.; Abakan, 1997. 51 p.
4. *Sotsiologicheskoe issledovanie (2011 g.) po projektu: «Mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Khakasiya v otsenkakh i predstavleniyakh massovogo soznaniya naseleniya»* [Sociological research:

- Interethnic relations in the Republic of Khakassia in the estimates and representations of the mass consciousness of the population].
5. *Sotsiologicheskoe issledovanie (2013 g.) v ramkakh FTsP po teme: «Nadetnicheskaya identichnost': analiz sostoyaniya i otsenka potentsiala optimizatsii regional'noy modeli mezhekul'turnogo vzaimodeystviya» (soglashenie: 14.B37.21.0511)* [Sociological research: Supra-ethnic identity: analysis of the state and assessment of the optimization potential of the regional model of intercultural interaction].
 6. *Sotsiologicheskoe issledovanie (2014 g.) v ramakh Granta Prezidenta RF* [Sociological research in the framework of the Grant of the President of the Russian Federation].
 7. *Sotsiologicheskoe issledovanie (2015 g.) po proektu: «Transformatsii nadetnicheskoy identichnosti v kontekste trendov traditsionalizatsii i modernizatsii: imperskost', sovetskost', etnichnost' i rossiyskaya grazhdanstvennost'»* [Sociological research: “Transformation of supra-ethnic identity in the context of trends of traditionalization and modernization: Imperial, Soviet, ethnic and Russian citizenship”].
 8. *Sotsiologicheskoe issledovanie (2016 g.) v ramkakh Granta Prezidenta RF* [Sociological research in the framework of the Grant of the President of the Russian Federation] (MK-6746.2015.6).
 9. Chistanov M.N., Chistanova S.S., Maslova T., Kudryashov I.S. Problema postroeniya novykh teoreticheskikh modeley mezhekul'turnogo vzaimodeystviya v kontekste realizatsii proekta “Novogo shelkovogo puti” [The problem of building new theoretical models of intercultural interaction in the context of the project “New silk road”]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1 (2018): 158–172.
 10. *Etnosotsial'naya situatsiya v Respublike Khakasiya v otsenkakh i predstavleniyakh massovogo soznaniya* [Ethno-social situation in the Republic of Khakassia in the assessments and representations of mass consciousness]. Abakan: HGU N.F. Katanova., 2006. 96 p.
 11. *Etnosotsial'nye protsessy i etnonatsional'naya politika v regionakh Sibiri* [Ethno-social processes and ethno-national policy in the regions of Siberia]. Novosibirsk: SO RAN, 2015. 273 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Аксютин Юрий Михайлович, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Проспект Ленина, 90, г. Абакан, 655017, Российская Федерация
aksutum@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aksutin Yuri Mikhailovich, Lecturer of Philosophy and Culturology
Chair, PhD in Philosophy, Docent
Khakas State University named after N. F. Katanov
90, Lenin Str., Abakan, 655017, Russian Federation
aksutum@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5996-3686

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-70-79

УДК 1(=177) (0.91)

ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «РАЗУМ» В ФИЛОСОФИИ

Волохова Н.В.

Цель. Цель статьи – определение новых подходов и способов философского исследования категории «разум» в процессе его исторического формирования.

Осуществление этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: выделение и философская характеристика основных механизмов и этапов развития рациональности; выявление тенденций постановки и решения проблемы взаимоотношения разума в историко-философском процессе и жизнедеятельности человека.

Научная новизна исследования заключается в выявлении развития категории «разум» как основополагающего начала в истории философской мысли и динамической составляющей непрерывного творческого мышления.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составляет сравнительно-исторический метод и общенаучные методы аналогии, индукции и дедукции. Также применяется метод категориально-логической реконструкции, дополненный методом герменевтического анализа.

Результаты. В статье обоснована мысль о системообразующем характере категории «разум» и включенности его в различные сферы человеческой деятельности. Раскрыто культурно-историческое и научно обоснованное дефинирование понятия «разум» и его содержание.

Область применения результатов. Итоги исследования могут быть использованы при преподавании философии и социологии, а также в целях определения межпредметных связей между науками.

Ключевые слова: разум; рассудок; рациональность; интеллект; философия; искусственный разум.

ORIGINS AND FORMATION OF CATEGORY «MIND» IN PHILOSOPHY

Volokhova N.V.

Goal. *The goal of the article is to identify new approaches and ways of philosophical research of the category “mind” in the process of its historical formation. The implementation of this goal involves the solution of a number of interrelated tasks: the allocation and philosophical characteristics of the main mechanisms and stages of development of rationality; identification of trends in the formulation and solution of the problem of the relationship of the mind in the historical and philosophical process and human life. The scientific novelty of the study is to identify the development of the category of “mind” as a fundamental beginning in the history of philosophical thought and a dynamic component of continuous creative thinking.*

Method and methodology of the work. *A comparative-historical method is the basis of this research, as well as general scientific methods of analogy, induction and deduction, applicable both in natural sciences and in the humanities. The method of categorical-logical reconstruction is also used, complemented with the hermeneutic analysis method.*

Results. *In the article the idea of a system-forming character of the category «mind» and its inclusion in various spheres of human activity substantiates. The cultural-historical and scientifically grounded definition of the concept «mind» and its content are revealed.*

The results scope of application. *The results of the research can be used in the teaching of philosophy and sociology, as well as in order to determine the interdisciplinary connections between the sciences.*

Keywords: *mind; intellect; rationality; intelligence; philosophy, artificial intelligence.*

Проблема человеческого разума, динамики его развития и становления является классической философской проблемой. Ее изучению посвящены труды таких выдающихся мыслителей как Сократ, Платон, Аристотель, Лао-цзы, Конфуций, П. Абеляр, Ф. Аквинский,

Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, Б. Паскаль, И. Кант, И.-Г. Фихте, Г.В. Гегель, М. Вебер, М. Фуко, Л.Н. Толстой, П.П. Гайденко, В.Н. Порус, В.С. Степин и др.

С изменением условий жизни и расширением познания и осознания себя человеком изменяются и его представления о том, как нужно жить и с помощью чего осознавать эту самую жизнь. Деятельность современного человека опутана социальными, экономическими, информационными связями настолько, что становится трудно прийти к осознанию себя. В основе многих философских доктрин лежит проблема освоения понятия «разум».

Философские представления о характере интеллектуальной деятельности складывались на протяжении ряда исторических эпох. Человеку присущи такие интеллектуальные уровни как «здоровый смысл», «рассудок», «разум», которые можно объединить в понятие интеллекта, если рассматривать его как интегральную целостность умственных возможностей субъекта [7, с. 10].

Термин «интеллект» (от лат. *intellectus* – познание, понимание, рассудок) представляет собой латинский перевод с древнегреческого понятия *нус* (ум) и в своем смысле тождественен ему. Самое широкое определение понятия «интеллект» звучит как способность мышления или рационального познания. Очень интересная трактовка термина обнаруживается нами в итальянских источниках. У Антонио Ливи, дается более полный перевод термина с латинского «*intellectus*», которое, в свою очередь, является причастием глагола: «Интеллект происходит от латинского *«intelligere = intelligere»*, состоящего из слов *«intus»* и *«leggere»*, которые обозначают «читать внутри» или *«leggere dentro»*, или в значении «собирать или выбирать» [11, с. 12], что позволяет определять возможность человеческого разума как понимать, мыслить, формулировать концепты и суждения.

Одним из первых философов, который заговорил о неоднородности человеческого интеллекта, был Гераклит. Признавая способность мышления и возможность познания общими для всех людей, он полагал, что далеко не всех людей эта возможность приводит к действительному познанию: «Большинство людей не разумеют того, с чем, да и научившись, они не понимают...» [2, с. 22].

Сколь не было бы обширно усвоенное знание, оно не может заменить подвижность ума, потому что мышление человека – отражает его умственную активность, а интеллект – это уже умственные способности субъекта. Гераклит видел в рациональности причинно-следственную связь, выстроив идею диалектики и заложив основы синергетики. Некую вселенскую необходимость он именуется Логосом, мыслит ее «как скрытую глубинную гармонию различного и как напряжённое единство противоположностей» [2, с. 27], где разуму отводится роль выявления этого.

Понятие «рациональность» – производное от латинского «ratio», представляет собой перенос на римскую почву древнегреческого понятия «logos», под которым еще Гераклит понимал в обычном словоупотреблении «речь», «слово», «меру», а в более глубинном – эквивалент «всеобъемлющего разума, олицетворяющего вечную, равную себе и вместе с тем непрестанно становящуюся сущность бытия, в свете которой мир является как нечто целое, гармоничное и осмысленное» [1, с. 5]. То есть, большое значение отводится функции разума через способность гармонизировать, уравновешивать.

Принято считать, что первым письменным источником, где употребляется термин «рациональность» являются евклидовы «Начала», где он тождественен понятию «соизмеримое», т.е. в качестве первого значения понималось как «смета», «счет», «исчислять». И здесь мы вновь выходим на протагоровский принцип «Человек есть мера всех вещей», который, кстати, был приемлем и активно использован Л.Н. Толстым в качестве аксиоматического тезиса в структуре собственных этико-аксиологических построениях. Уместно вспомнить высказывание Л.Н. Толстого, выстроившего целую и целостную теорию этического рационализма: «Все, что знает человек о внешнем мире, он знает только потому, что знает себя, так как познание чего бы то ни было для нас есть перенесение на другие предметы нашего знания о том, что жизнь есть стремление к благу, достигаемое подчинением закону разума» [10, с. 448]. (Более подробному анализу феномена разума в философском наследии великого отечественного мыслителя Льва Толстого посвящена статья автора [4, с. 203–212]).

Очень любопытный подход, на наш взгляд, можно проследить у Сократа, которого так же принято считать основоположником этического рационализма на древнегреческой почве. Он видит в рациональности аксиологический аспект, определив такие ценности как добродетель, доблесть, мужество, мудрость и прочее как иррациональный момент в рациональном через внутренний голос – «даймонд», способный интуитивно постигать высшие абсолютные ценности – добро, красоту, истину.

В культуре древних греков рациональность выступает в виде философского разума. Это связано с их представлением о закономерной упорядоченности и единстве Космоса, о тождественности логоса и Космоса. Античная рациональность выступает скорее как средство познания мира, а не орудия его изменения.

Позиции разумного у древнегреческих мудрецов основывались на их наблюдениях за природными явлениями, из их эмпирических опытов. Как правило, они были и естествоиспытателями, стояли у истоков зарождения научной рациональности, что выражалось уже в освобождении от слепого религиозного пиетета и становлении критического подхода, попыток аргументации, поиске истинности знания. То есть, мы говорим о возникновении первых форм философской рациональности с ее методологической установкой на объяснение мира из своих собственных начал. Но вопросы разумного осмысления сверхъестественного останутся открытыми и придут к своему апогею уже в другую эпоху – эпоху Средневековья. Среди фундаментальных задач разумного познания древнегреческие мыслители ставили задачу познания той необходимости, которая «правит миром» и которой все подчинено.

Обращаясь к наследию средневековых мыслителей (Августина, П. Абеляра, Ф. Аквинского, Б. Клервосского и пр.), мы приходим к выводу о том, что эпоха Средневековья акцентирует внимание на соотношении разума и веры в первую очередь. У Аврелия Августина вера трактуется скорее как ступень познания, и здесь но отслеживать еще одну интересную особенность: рационализм в трактовке веры приводит к такому сближению рационального и иррационального, что становится почти невозможно провести четкую грань между

ними, происходит частичное совмещение понятий веры и знания. Но очень важным моментом, на наш взгляд, выступает то, что в эпоху средневековья рациональность начинает мыслиться онтологически, то есть разумное начало становится «вторично по отношению к целостности реально вписанного в мир сознания» [8, с. 16]. Рациональность эпохи средневековья очень ярко отражалась и выражалась в культуре самой эпохи: в традициях, суевериях, праздниках, зрелищах и т.д. – она была мистически ориентирована, в то время как мистика пыталась быть рационально организованной. Подтверждение этой мысли находим в трудах М. Бахтина, Ю. Лотмана и др. Смыслообразующей идеей Средневековья остается, конечно же, идея Бога, пронизывающая и бытие рационального.

Огромное значение имели открытия философии эпохи Возрождения и Нового времени с их обращенностью к человеку. Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель – авторы классической концепции рациональности, базирующейся на представлении о вневременном, универсальном разуме как единственно адекватном средстве познания мира.

Вопросы соотношения рассудка и разума, сознания и познания, были подняты в Новое время, эпоху становления классической рациональности. Это и упомянутые выше Ф. Бэкон, Р. Декарт, также Дж. Локк, и другие.

Европейская философия XVII–XVIII вв. совершила огромный скачок в развитии теории познания, выделив проблемам гносеологии центральное место. Многие исследователи, последователи эмпиризма, считают, что науки, изучающие познание должны стоять в первом ряду и быть ключом ко всем остальным видам деятельности, так как способны давать разуму верные указания и оберегать от заблуждений. В это время рациональность «онаучивается» и занимает особое место, выделяется ее предназначение, цели и ценности познавательной деятельности. Это позволит в дальнейшем, в эпоху немецкой классической философии, занять рациональности место одной из ценностей культуры. Если Кант усмотрел в рациональности нерациональное начало и выводит на первый план категорический императив, возводя в высшую степень ее нравственную сторону, то Гегель раскрыл понятие рационального через разум,

считая его высшей формой. Ценным для нас является то, что немецкие классики имеют правилом выделять конструирующие функции рациональности, обращая внимание на ее многоаспектность.

«В предельно широком понимании, рациональность отождествляется с разумностью вообще, раскрывающейся как причастность ума к истине, целостностью духовного и практического опыта человека» [7, с. 51]. При этом следует учитывать, что подлинная «человеческая разумность состоит, кроме всего, в том, чтобы понимать, принимать и ценить то, что лежит за ее пределами и что в конечном счете определяет условия ее собственного существования и функционирования» [6, с. 31].

Современными отечественными и зарубежными исследователями рациональность принято рассматривать следующим образом:

- как форму познавательного отношения к миру (А.И. Еремкин);
- как сознательно контролируемый способ, как форму деятельности и ее результат (О.И. Дмитричева);
- как существование смысла в мышлении (Ж. Деррида, Ж. Бодрийар);
- как результат рефлексии философии над культурой (И.С. Утробин) [8, с. 12].

Проблема рациональности является знаковой для нашего времени. Пытаясь постичь ее суть, рефлекслирующее сознание человека неизбежно наталкивается на множественность форм реализации человеческим разумом своего предназначения – ведь это главное, что интересует человека всегда, он всегда находится в состоянии отчаянной борьбы в поисках смысла собственного существования.

Последнее столетие наблюдается активная работа в исследовании проблем разума, сознания, интеллекта. Этим занимается медицина, математика, психология, философия и др. науки, иногда входя в междисциплинарные связи. Философия сознания, например, одно из активно развивающихся направлений. Еще А. Бергсон, как представитель философии жизни говорил об интеллекте и интуиции и определял их как взаимообусловленные формы жизни и познания, единые в «жизненном порыве». Далее следует вспомнить огромное значение феномена «разума», которое приписывали ему представите-

ли теории ноосферы (П. Тейяр де Шарден, Э. Леруа, В. Вернадский). Представителей позитивизма или неомарксизма интересовала проблематика «инструментального разума» или «природного рационализма, когда субъект и объект встречаются в сфере разума» [8, с. 8]. Вопросы культурной, инструментальной, природной составляющей разума вызывают к жизни новые и новые исследования. Они сформировали проблемное поле, которое к концу XX века преобразовалось в теорию искусственного разума, которая от вопросов устройства и функционирования перешла к вопросам более сложного порядка – управления, идентификации, регулирования и пр. Сегодня в философии «искусственного разума» (или «искусственного интеллекта») возникает огромное количество споров и разногласий. Есть ряд аргументов, указывающих принципиальные различия сознания человека с другими сложными «интеллектуальными» алгоритмическими системами [3, с. 5] и невозможностью создания машинного аналога человеческого разума на сегодняшний день. Но главным должно быть понимание того, что новые горизонты в понимании феномена «разума» только открываются человечеству и они напрямую связаны с пониманием человеком самого себя.

Делая общий вывод, можно сказать, что без рациональности, в основе которой лежит разум, человечество не может развиваться. Этот тип рациональности, берет свое начало еще с античных времен, достигает апогея в эпоху Просвещения, а в сегодняшнем времени переживает серьезный кризис. Для его хотя бы частичного преодоления следует прийти к осознанию того, что «...рациональность обязана ответить на два вызова: «контркультурного» иррационализма и «гипертрофированной рациональности» [8, с. 20]. Причем реакция должна быть не оборонительного характера, а направленная на созидание, где не избыток, а скорее дефицит разумности является «конечной причиной основных угроз современному человечеству». Такое утверждение, высказанное О.А. Липатовой, всецело поддерживается нами. Удивительный мир, который создан благодаря разуму человека на всем протяжении его развития, не был бы таковым, если бы у человека не было стремления к самопознанию и саморазвитию.

На всем протяжении человеческой истории интерес к проблеме разума позволял рассматривать его как основу целостного процесса мышления. И, к большому сожалению, сегодня мы можем говорить о том, что современный человек в представленных реалиях вынужден искать и придумывать пути спасения скорее уже от самого себя.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. №3. С. 5–12.
2. Античные философы: Свидетельства, фрагменты и формы. Ростов н/Д, 1962. 167 с.
3. Быковский И.А. Философские аспекты проблем создания искусственного интеллекта: Автореф. дисс. ... к.филос.н. Саратов, 2003. 25 с.
4. Волохова Н.В. Проблема разума в философии Л.Н. Толстого // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 2(23). С. 203–212.
5. Гайденок П.П. Проблемы рациональности на исходе XX века // Вопросы философии, 1991, №6. С. 25–36.
6. Исторические типы рациональности: Коллективная монография. М., 1995. Т.2. 212 с.
7. Краморенко В.Ю., Никитин В.Е., Андреев Г.Г. Интеллект человека. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 183 с.
8. Липатова О.А. Рациональность как ценность культуры: Автореф. дисс... канд. ф. н. Казань, 2004. 26 с.
9. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. М.: Госполитиздат, 1952. 432 с.
10. Толстой Л.Н. О жизни. Избр. филос. произв. М., 1992. 478 с.
11. Livi A. Glossario epistemologico alla voce “intelletto”, in Il principio di coerenza: senso comune e logica epistemica. Rome: Armando. 1997. 177 p.

References

1. Averincev S.S. *Voprosy filosofii*. 1989. №3, pp. 5–12.
2. Antichnye filosofy: Svidetel'stva, fragmenty i formy [Ancient philosophers: Testimonies, fragments and forms]. Rostov n/D, 1962. 167 p.

3. Bykovskij I.A. *Filosofskie aspekty problem sozdaniya iskusstvennogo intellekta* [Philosophical aspects of the problems of creating artificial intelligence]. Saratov, 2003. 25 p.
4. Volokhova N.V. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika. Sociologiya. Menedzhment*. 2017. V. 7. № 2(23), pp. 203–212.
5. Gajdenko P.P. *Voprosy filosofii*, 1991, №6, pp. 25–36.
6. *Istoricheskie tipy racional'nosti* [Historical types of rationality]. M., 1995. V.2. 212 p.
7. Kramorenko V.Yu., Nikitin V.E., Andreev G.G. *Intellekt cheloveka* [The intellect of man]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1990. 183 p.
8. Lipatova O.A. *Racional'nost' kak cennost' kul'tury* [Rationality as a value of culture]. Kazan', 2004. 26 p.
9. Marks K. K kritike politicheskoy ehkonomii [Towards a Critique of Political Economy]. Marks K., EHngel's F. Soch. [Marx K., Engels F. Works]. V.13. M.: Gospolitizdat, 1952. 432 p.
10. Tolstoj L.N. *O zhizni. Izbr. filos. proizv.* [About life]. M., 1992. 478 p.
11. Livi A. Glossario epistemologico alla voce “intelletto”, in *Il principio di coerenza: senso comune e logica epistemica*. Rome: Armando. 1997. 177 s.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Волохова Наталья Владимировна, канд. философ. наук, доцент,
кафедра философии и социологии
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
volna-sha@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Volokhova Natalia Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology
Southwest State University
94, 50 let Oktiabria, Kursk, 305040, Russian Federation
volna-sha@rambler.ru
SPIN-code: 4491-6439
ORCID: 0000-0002-7048-3509

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-80-96

УДК 31

МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ: ВЗГЛЯД И ОЦЕНКА МИГРАНТОВ

Муратқызы А.

В данной статье представлены результаты исследования миграционных процессов в Республике Казахстан в оценках мигрантов. Основной источник данных – анкетный опрос мигрантов живущих в приграничной территории Казахстана и России, а именно в Восточно-Казахстанской области. Цель исследования - выявить специфику современной миграционной ситуации в Казахстане и факторы, влияющие на миграционную подвижность многочисленных этносов республики; оценить влияние на миграцию степени этнического самосознания и включенности в этническую культуру; проанализировать направления государственной политики по управлению миграционными процессами в республике. Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие задачи: проанализированы научно-исследовательские работы по миграционным процессам и миграционной активности; определены социально-экономическое положение, национальный состав и состояние миграционных процессов в Республике Казахстан в условиях глобализации; проанализированы миграционные процессы и миграционная активность населения приграничных регионов Республики Казахстан и России; определены особенности проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего сообщества в приграничных регионах. Современные социологические теории миграции населения позволяют описывать такое динамически изменяющееся социальное явление, как миграция с точки зрения перспектив экономического развития стран, а также с точки зрения социокультурной трансформации, которую претерпевают социальные структуры и институты в современном обществе. Методология рассматриваемых теорий выводит социологический дискурс

на уровень анализа социального пространства не в его классической интерпретации, а в понимании его как транснационального, то есть выходящего за рамки жестко кристаллизованных национально-территориальных единиц. В статье приведен анализ современных социологических теорий миграции населения; уточнено содержание ряда ключевых понятий; обоснована целесообразность применения социологического подхода к исследованию миграции как социального процесса; на основе анализа изменений, определен социально-экономическое положение, национальный состав и состояние миграционных процессов в Республике Казахстан в условиях глобализации; определены особенности проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего сообщества в приграничных регионах (по материалам социологических исследований). Научная значимость и практическая ценность исследования определяется острой актуальностью в области миграции, а так же совокупностью поставленных задач, направленных на теоретико-методологическое и конкретно социологическое изучение миграционных процессов в контексте глобализации.

Ключевые слова: миграция; мигранты; поддержка мигрантов; миграционная политика; отношение к мигрантам; миграционная служба; миграционные центры.

MIGRATION SITUATION IN EAST KAZAKHSTAN: LOOK AND ASSESSMENT OF MIGRANTS

Muratkyzy A.

The article presents the results of a study of migration processes in the Republic of Kazakhstan in the estimates of migrants. The main source of data is a questionnaire survey of migrants living in the border area of Kazakhstan and Russia, namely in the East Kazakhstan region. The purpose of the study is to identify the specifics of the current migration situation in Kazakhstan and the factors influencing migration mobility of numerous ethnic groups of the Republic; to assess the impact on

migration of the degree of ethnic identity and inclusion in ethnic culture; to analyze the directions of the state policy on migration management in the Republic. To achieve this goal, the following tasks were set and solved: the research works on migration processes and migration activity are analyzed; the socio-economic situation, national composition and the state of migration processes in the Republic of Kazakhstan in the context of globalization are determined; the migration processes and migration activity of the population of the border regions of the Republic of Kazakhstan and Russia are analyzed; the features of the manifestation of migration activity in the context of the relations of the host community in the border regions. Modern sociological theories of population migration allow us to describe such a dynamically changing social phenomenon as migration from the point of view of the prospects of economic development of countries, as well as from the point of view of socio-cultural transformation that social structures and institutions undergo in modern society. The methodology of the considered theories brings sociological discourse to the level of analysis of social space not in its classical interpretation, but in understanding it as transnational, that is, beyond the rigidly crystallized national-territorial units. The article presents the analysis of modern sociological theories of population migration; the content of a number of key concepts is clarified; the expediency of the sociological approach to the study of migration as a social process is substantiated; based on the analysis of changes, the socio-economic situation, national composition and the state of migration processes in the Republic of Kazakhstan in the context of globalization are determined; the features of the manifestation of migration activity in the context of the relations of the host community in the border regions are determined (based on sociological research). The scientific significance and practical value of the research is determined by the acute relevance in the field of migration, as well as a set of tasks aimed at theoretical and methodological and specifically sociological study of migration processes in the context of globalization.

Keywords: migration; migrants; migrant support; migration policy; attitudes towards migrants; migration service; migration centers.

Введение

В контексте миграционного обмена не одно десятилетие Республика Казахстан является одним из важнейших партнеров Российской Федерации. Современная гражданская и этнодемографическая картина Казахстана во многом результат миграционных связей с Россией. Особенность республики в том, что регион граничит с 12 областями Российской Федерации. Стремительное упразднение огромного государства, суверенизация бывших союзных республик, отказ от единой системы хозяйствования, внедрение рыночных отношений породили совершенно новые формы и мотивы миграций. Наряду с экономическими вопросами возникли социальные, политические, этнические и другие факторы, воздействующие на массовое перемещение людей с одной страны на другую [1].

Миграция населения – общественное явление. Население представляет собой не только совокупность людей, но и специфическую систему общественных связей и отношений, выступая тем самым в качестве подсистемы «общество». Миграция как пространственное движение населения свойственна всем человеческим обществам. Однако интенсивность, направленность и состав миграционных потоков, ее социальные, экономические и демографические последствия существенно различаются не только в разные исторические эпохи, но и в странах с разным уровнем экономического развития, различными природно-географическими условиями и структурами населения [5].

Республика Казахстан – типичное полиэтничное государство, в котором, помимо казахов, проживают представители многих других национальностей, сохраняющие свои языковые, исторические, культурные ценности. К ним относятся: русские (23,7%), украинцы (2,1%), узбеки (2,9%), татары (1,3%), уйгуры (1,4%), немцы (1,1%), а также представители других национальностей (4,4%) [2, 3].

Республика Казахстан входит в число самых малонаселенных стран мира, плотность населения страны составляет лишь 6,7 чел. на один квадратный километр. Но такая средняя плотность характерна только для некоторых районов Казахстана. Большая часть территории республики населена в несколько раз меньше, хотя есть места, населённые и во много раз плотнее.

Из всех иностранных граждан, пребывающих на территории РК, наибольшим объемом прав пользуются граждане стран – членов СНГ и прежде всего тех государств, с которыми Республики Казахстан тесно интегрируется. Их привилегированное положение, по сравнению с другими иностранцами, устанавливается договорами Казахстана с этими странами. Пребывание иностранных граждан ближнего зарубежья регулируется двусторонними и многосторонними договорами. В результате возникает проблема оценки численности, находящихся на территории страны трудовых мигрантов разного статуса – легальных и нелегальных мигрантов.

Объект исследования – миграция в Казахстане как социальное явление и социальный процесс.

Предмет исследования – качественные характеристики и специфические особенности внешних и внутренних миграционных процессов в Казахстане.

Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные в ходе исследования результаты позволяют углубить имеющиеся теоретические представления о сущности миграционных процессов в условиях глобализации. Собранный и систематизированный теоретический материал может быть полезен в теории и практике регулирования миграционных процессов в Казахстане и приграничных регионах в современной России.

Научная новизна исследовательской работы определяется следующими основными моментами. В настоящей работе:

- с целью анализа современных социологических теорий миграции населения уточнено содержание ряда ключевых понятий: «миграция населения», «миграционный процесс», обоснована целесообразность применения социологического подхода к исследованию миграции как социального процесса;
- на основе анализа изменений определены социально-экономическое положение, национальный состав и состояние миграционных процессов в Республике Казахстан в условиях глобализации;

- проанализированы миграционные процессы и миграционная активность населения приграничных регионов Республики Казахстан и России;
- определены особенности проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего сообщества в приграничных регионах (по материалам социологических исследований).

Теоретическая база и методологическая основа исследования

Теоретической базой послужили: труды классиков зарубежной социологии: Э. Равенштейна, У. Томаса, Ф. Знанецки, Р. Парка, Э. Берджеса, Р. Маккензи, в которых конкретизируется с точки зрения социологии понятие «миграция населения», раскрывается социальное содержание процессов миграции; теоретические разработки современных зарубежных исследователей в области социологии миграции; фундаментальные работы современных отечественных социологов, посвященные всестороннему анализу феномена миграции населения [4].

Методологическую основу диссертационной работы составляют общесоциологические принципы научного исследования (историзма и социального детерминизма); используется комплексный подход к изучению процесса миграции населения. В работе применяются методы системного, сравнительно-исторического, структурно-функционального подходов, количественные и качественные методы исследований в социологии.

Основная часть

Социологическое исследование миграционных процессов и миграционной активности населения Республики Казахстан и приграничных регионов России выполнено на основе проведенного исследования в Восточно-Казахстанской области. Задачами проведенного исследования являлось изучение особенностей миграционных процессов в Республике Казахстан в оценках населения, а именно приграничных территорий современных государств России и Казахстана, выявление потенциальных факторов конфликтности в межнациональ-

ных отношениях, в том числе и факторов формирования гражданской и этнической идентичности. В ходе анализа рассмотрены оценки жителями регионов Восточно-Казахстанской области разных параметров гражданственности, что позволило в последующем получить характеристики гражданской и этнической идентичности населения региона и их дифференциацию в разных социально-демографических группах.

Из наших респондентов родились в городе – 97 чел., в поселке городского типа – 64, селе, деревне, кишлаке, ауле – 21. Большинство относится к наиболее социально активному возрасту: 18–30 лет. Образование респондентов: начальное общее (3–4 класса) – 1; Основное общее (8–9 классов) – 22; среднее (полное) общее (10–11 классов) – 33; начальное профессиональное (ПУ, ПТУ) – 21; среднее профессиональное (техникум, колледж) – 59; неполное высшее (3 курса ВУЗа) – 54; высшее профессиональное (в том числе два и более высших образования; аспирантура, ординатура; ученая степень) – 7; затруднились с ответом – 6 человек.

Семейное положение респондентов: никогда в браке не состояли – 72 чел.; состоят в зарегистрированном браке – 55; живут вместе, но не зарегистрированы – 21; разведены, в браке не состоят – 26; вдовец/вдова – 8 чел.

Таблица 1.

В какой стране Вы родились?

В какой стране Вы родились?	От 18 до 30 лет	От 31 до 50 лет	От 51 до 75 лет	Итого
КНР	8	3	0	11
Армения	2	0	0	2
Беларусь	7	0	0	7
Индия	18	3	0	21
Россия	33	52	0	85
Киргизия	6	6	3	15
Корея	5	0	0	5
Молдова	4	2	0	6
Таджикистан	7	0	0	7
Татарстан	3	1	0	4
Узбекистан	9	3	1	13
Украина	6	2	0	8
Итого	108 – 61,0%	70 – 38,5%	4 – 0,5%	182

Иностранцы граждане, прибывающие в Казахстан, зачастую сталкиваются с трудностями в отношении определения своего правового статуса на территории принимающей их стороны.

На сегодняшний день правительство РК приняло ряд нормативных актов, касающихся регулирования трудовой миграции: Правила выдачи лицензии на деятельность, связанную с привлечением иностранной рабочей силы и вывозом рабочей силы из РК за границу; Правила, условия и размеры внесения гарантийного и залогового взносов; Правила оказания посреднической помощи гражданам по трудоустройству за границей; Правила защиты внутреннего рынка труда при выдаче разрешений работодателя на привлечение иностранной рабочей силы.

На вопрос: «Каким статусом иностранного гражданина Вы обладаете?» получены следующие ответы: «У меня есть вид на жительство» – **43 (23.8%)**; «У меня есть разрешение на временное проживание» – **30 (16.6%)**; «У меня есть виза, которая разрешает мне находиться в Казахстане в течение (указать конкретный срок)» – **73 (40.5%)**; «Я считаюсь временно пребывающим, могу находиться в Казахстане в течение 90 дней» – **33 (17.2%)**; другое – **3 (1.6%)**.

В момент опроса в возрасте от 18 до 30 лет были **трудоустроенны** – **22 (11.3%)**, от 31 до 50 лет – **42 (23.3%)**, от 51 до 75 лет – **10 (5.5%)**; **не трудоустроенных** от 18 до 30 лет – **77 (42.7%)**, от 31 до 50 лет – **31 (17.2%)**, от 51 до 75 лет – **0**.

Чаще мигранты трудоустраиваются в коммерческой (частной организации) – среди тех, кому от 18 до 30 лет – **34 (20.1%)**, от 31 до 50 лет – **31 (17.2%)**, от 51 до 75 лет – **15 (8.5%)**. На втором месте – бюджетные (государственные) организации – от 18 до 30 лет – **24 (14%)**, от 31 до 50 лет – **22 (12%)**, от 51 до 75 лет – **0**; респондентов. У «частного лица» работают из 18 - 30 летних – **16 (9%)**, от 31 до 50 лет – **40 (25.2%)**, от 51 до 75 лет – **0**;

Из респондентов **36 (21.8%)** – имеют собственное жилье, **85 (46.6%)** – арендуют, **24 (12.3%)** – проживают у родственников или у друзей, **24 (12.3%)** – живут в нежилом помещении, предоставленном работодателем, **13 (7%)** – отметили другой вариант.

На вопрос «Кем Вы работаете?» даны следующие ответы: **от 18 до 30 лет – 96 (53.3%)**: студент – 76, архитекторы – 4, повара – 5, строители – 6, в сфере торговли – 5. Среди 31- 50 летних 74 (42.2%): архитекторы – 2, повара – 18, продавец – 10, строитель – 21, таксист – 3, в сфере торговли – 19, учитель – 1 респондент. 51 до 75 лет – **4 (0,6%)** респондентов работают поварами 1 и 3 респондент в сфере торговли. Если перечислить профессии, по которым, наиболее часто работают респонденты в основном базируется на данных об уровне образования, профессиональных качествах респондентов. Среди них доминируют: продавец, разнорабочий, специалист, повар, строитель, повар, водитель и т. д.

Следует отметить, что нашли работу увидев, услышав рекламные объявления, по приглашению от работодателя, подали сами рекламное объявление, через службу занятости, миграционную службу, через родственников, через друзей, знакомых, через связи, выход на специальных людей, которые занимаются оформлением на работу и трудоустройством мигрантов, Сами создали собственное предприятие, собственное дело, через центры, представительства Казахстана в стране, откуда приехал от 18 до 30 лет – **32 (17.7%)**, от 31 до 50 лет – **44 (24.4%)**, от 51 до 75 лет – **1 (0.5%)** респондентов. На данный момент из опрошенных мигрантов проживающие в Восточном Казахстане **30 (16.6%)** – имеют патент на осуществление трудовой деятельности; **14 (7.7%)** – не имеют патента, но по закону я могу работать без специального разрешения; **31 (17.2%)** – не имеют патента, но есть разрешение на временное проживание или вид на жительство; ответили нет – **4 (2.2%)**.

На вопрос «Посылаете ли Вы деньги своей семье, свои родным?» – **105 (58.3%)** респондентов ответили, что не посылают, так как они вновь обустроиваются на новом месте или заработная плата хватает только на себя. А, **45 (25%)** респондентов посылают деньги, потому что они достаточно зарабатывают. Отвечая на вопрос о том, как в целом относится к ним работодатель, управляющий персонал, с которыми приходится встречаться во время работы **60 (33.3%)** говорили что благожелательно, **76 (42.2%)** нормально, обычно, **37 (20.5%)** конфлик-

тно, **7 (3.8%)** другое. Из этого следует отметить, что работодатели к представителям других национальностей относятся доброжелательно.

Одна из наиболее актуальных проблем, связанных с миграцией, отношение населения данного региона к мигрантам. По данному опросу были получены следующие результаты: **10 (5.5%)** – резко негативно, **24 (13.3%)** – скорее отрицательно, чем положительно, **40 (22.2%)** – скорее положительно, чем отрицательно, **70 (38.8%)** – дружелюбно, **36 (20.0%)** – затруднились ответить.

Для более детального анализа по немаловажным аспектам мигрантов: о жизни мигрантов в целом в настоящее время, их работой целом, их материальным положением, жилищными условиями, условиями быта были получены ответы: совсем не удовлетворены были – **22 (12.2%)**, не очень удовлетворены – **31 (17.2%)**, и да и нет – **19 (10.5%)**, скорее удовлетворены – **47 (26.1%)**, полностью удовлетворены – **50 (27.7%)**.

Поддержкой религиозной общины, представителей религиозной общины, поддержкой национального объединения, общением с земляками, общественным организациям, защищающим права мигрантов, религиозным организациям, членами которые они являются: совсем не удовлетворены были – **11 (6.1%)**, не очень удовлетворены – **16 (8.8%)**, и да и нет – **41 (22.7%)**, скорее удовлетворены – **90 (50%)**, полностью удовлетворены – **10 (5.5%)**.

Поддержка мигрантам оказывается также работодателями, полицией, органами правопорядка, миграционной службой, миграционным центром, представительством своей страны (консульством) для их дальнейшего пребывания и последствиях их пребывания в стране. Степень удовлетворенности их работой оценена следующим образом: совсем не удовлетворены – **12 (6.6%)**, **38 (21.1%)** – не очень удовлетворены, **41 (22.7%)** – ни да, и нет, **68 (37.7%)** – скорее удовлетворены, **8 (4.4%)** – полностью удовлетворены.

Ряд вопросов был посвящен этническим отношениям. Исследовались причины, побуждающие население бывших союзных республик к поиску работы, влияние этнической принадлежности мигрантов на специфику их занятости на рынке труда в Восточном Казахстане.

Таблица 2.

Взгляд мигрантов на этническую принадлежность

Взгляд мигрантов на этническую принадлежность	Я горжусь тем, что я принадлежу к своей этнической группе	То, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства
Абсолютно не согласен	23	25
Скорее не согласен	25	12
Не знаю, не уверен	21	10
Скорее согласен	32	12
Абсолютно согласен	17	5
Итого	118	64

Национальность в определенной степени является фактором выбора друзей. Хотели бы иметь друзей казахов – **12 (6.6%)**, предпочитают только представителей своей национальности – **41 (22.7%)**, не хотят иметь друзей ни среди казахов, ни своей национальности – **41 (22.7%)**, предпочитают иметь друзей так среди своей национальности и среди казахов – **73 (40.5%)**.

Таблица 3.

Жизнь в другой стране предполагает знакомство с новой культурой, новыми людьми, изменение образа мысли. Вы лично стараетесь сохранить традиции своей культуры или погрузиться в казахскую культуру, приобрести знакомства в Казахстане? (дайте ответ по КАЖДОЙ строке)

Жизнь в другой стране предполагает знакомство с новой культурой, новыми людьми, изменение образа мысли. Вы лично стараетесь сохранить традиции своей культуры или погрузиться в казахскую культуру, приобрести знакомства в Казахстане?	Казахстана	Моей родной страны (откуда я приехал)	Обеих стран	Ни той, ни другой страны	Итого
Мне приятнее находиться в компании, состоящей из людей	36	36	91	19	182
Люди, с которыми я лучше всего общаюсь из...	30	40	99	13	182
Мои любимые телепередачи, фильмы из...	30	54	77	21	182
Праздники, которые я чаще отмечаю, это праздники...	42	22	85	33	182
Употребляю в пищу, приготовленную в кулинарных традициях...	50	36	87	9	182
То как я думаю о людях, мире, и делаю что-то, больше всего характерно для....	27	40	93	22	182

За 24 года независимости Казахстан принял в гражданство более 1 миллиона человек из разных уголков мира. Казахстан стал новым домом не только для оралманов, но и для трудовых мигрантов, приехавших подзаработать и желающих остаться здесь навсегда. Среди респондентов хотели бы получить гражданство Казахстана **68 (35%)**, нет **74(39.4)**, затрудняюсь ответить – **40 (22.2)**. Соответственно, хотели бы постоянно проживать на территории страны (государства) **66 (33.8%)**, нет – **79 (41.1)**, затрудняюсь ответить – **37 (20.5)**.

Из этого можно сделать вывод, что многие мигранты временно переехали в Восточный Казахстан, в дальнейшем думают сменить место жительства либо в Казахстане, либо уехать в другую страну. Следующий вопрос хотели бы Вы иметь все права, предоставляемые законами этой страны **77 (40%)** – да, **68 (35%)** – нет, **37 (19.4%)** – затрудняюсь ответить.

Ряд вопросов был посвящен выявлению знания мигрантами казахской культуры, истории и языка.

Таблица 4.

Как хорошо Вы знаете... (дайте ответ по каждой СТРОКЕ)

Как хорошо Вы знаете ...	Совсем не знаю	Знаю, но плохо	Знаю некоторых	Знаю хорошо
Казахских национальных героев	48	82	28	24
Историю Казахстана	30	88	31	33
Казахских политических лидеров	24	74	52	32
Казахские телевизионные шоу, фильмы	19	81	44	38
Казахские газеты и журналы	26	31	82	43
Казахских актеров и актрис, звезд шоу-бизнеса	17	33	84	48
Казахскую культуру	25	25	84	48
Хорошо ли Вы знаете казахский язык?	49	62	43	28

Уровень знания казахского языка выяснялся только у тех мигрантов, для которых он не является родным: «Начальный уровень (понимаю, если говорят простыми фразами, четко и медленно)» – **32 (13.3%)**; «Средний уровень (понимаю почти все, что мне говорят, поддерживаю разговор на большинство тем, но иногда делаю

ошибки)» – **42 (22.2%)**; «Продвинутый уровень (читаю литературу, понимаю быструю разговорную речь, свободно поддерживаю разговор)» – **107 (59.4%)**; другое – **1 (0.5%)**.

Судя по результатам нашего исследования, как ни парадоксально, мигранты которые живут на приграничных территориях Казахстана и России, а именно в Восточном Казахстане, по их собственным оценкам, чувствуют себя довольно хорошо. Практически никто из них не желает уехать на родину из-за того, что им здесь плохо. Они себя чувствуют, судя по высказываниям, адаптированными и приспособившимися к местной ситуации. Об уровне взаимопонимания и сотрудничества между коренными жителями страны и приезжими, мигрантами свидетельствует то, что **122 (71%)** – полностью ощущают себя в безопасности, **45 (28.2%)** – совсем не ощущают себя в безопасности, затруднились ответить – **15 (0.8%)**. По мнению **70 (38.8%)**, жизнь в Казахстане в большой степени зависит от них самих, **34 (18.8%) выбрали ответ** – от семьи мигранта, **17 (9.4%)** – от работодателей, **30 (16.6%)** – от членов этнической общины, диаспоры, **15 (6.6%)** – от членов религиозной общины, **7 (3.8%)** – местной власти, **9 (5%)** – руководства страны.

Взаимопонимание и сотрудничество между коренными жителями страны и приезжими, по мнению **135 (75%)** мигрантов возможно, **32 (17.7%)** выбрали вариант «невозможно». Остальные затруднились ответить.

90 (48.7%) респондентов активно взаимодействуют с представителем своей этнической диаспоры в Казахстане, а **92 (51.3%)** ответили отрицательно.

В любой стране мигранты являются одной из наиболее уязвимых и дискриминируемых социальных групп, которая нуждается в правовой и социальной защите.

Суждения о содержании социального благополучия изменялись на протяжении человеческой истории в зависимости от уровня развития материальных благ, религиозных и этических норм, потребительских стандартов соответствующего общества. Социальное благополучие личности в значительной мере опирается на социальное благополучие общества, но не сводится к нему.

Таблица 6.

Используете ли Вы связи с этнической диаспорой, земляками для решения каких-то своих проблем или проблем семьи? Если да, то, пожалуйста, отметьте в каких сферах и как часто

Используете ли Вы связи с этнической диаспорой, земляками для решения каких-то своих проблем или проблем семьи? Если да, то, пожалуйста, отметьте в каких сферах и как часто.	Часто	Иногда	Редко	Никогда
Медицина (поиски хорошего врача и др.)	54	61	59	8
Услуги по обслуживанию и ремонту жилья	49	63	47	23
При контактах с системой социальной защиты (собес, служба занятости)	34	63	49	36
При контактах с милицией/полицией и др. правоохранительными органами	11	65	70	36
При продвижении на работе и решении проблем оплаты др.	25	73	67	17
При поиске новой работы	18	61	39	64
При получении регистрации, различных лицензий, разрешений от органов власти	21	73	55	33
Получение финансовой помощи	29	68	46	39
Получение помощи в адаптации к новой стране, городу, знаний о нормах поведения	31	78	37	36

Большую значимость для него имеет субъективная оценка человеком своего благосостояния и удовлетворенности жизнью. На вопрос об уровне Вашего материального достатка получены следующие ответы: «Живу очень бедно, фактически голодаю, денег иногда не хватает даже на питание, имевшиеся ранее накопления кончились» – 14 (9.2%); «Живу бедно, денег хватает только на скромное питание, оплату коммунальных услуг, а на приобретение» – 27 (19.4%); «Живу средне, денег хватает на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг, а на приобретение дорогих вещей приходится долго копить» – 79 (45.4%); «Живу достаточно обеспеченно, (есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни)» – 35 (22.2%); «Очень хорошо, богато (не отказываю себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают)» – 27 (3.8%). Из этого можно сделать вывод, что мигранты в Восточно-Казахстанском области живут в основном хорошо, многие имеют свой бизнес

и свое жилье, есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни.

У многих респондентов семьи проживают совместно – 92 (50%); в другом городе/селе Казахстана – 41 (19.2%); проживает в другой стране – 49 (25.2%). Респонденты, у которых семьи проживают в другой стране, в будущем планируют перевезти их в Казахстан. Постепенно привыкая к условиям жизни в Казахстане, имея здесь постоянную работу, люди уже задумываются здесь остаться. Ездить «туда-сюда» им кажется нецелесообразным.

Основные выводы исследования

Такой разброс оценок может свидетельствовать о том, что полученные результаты весьма субъективны и, оценивания параметры взаимоотношений между представителями разных этнических групп, жители приграничных территорий Казахстана и России больше ориентируются на собственные представления о характере этих отношений, нежели реальное знание о фактах трансформации взаимодействий.

Статистика миграционной активности населения Казахстана и приграничных регионов Российской Федерации показывает отрицательное миграционное сальдо по направлению иммиграции в Казахстане.

Социологические исследования особенностей проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего общества в приграничных регионах показали положительную оценку населением миграционных процессов в Республике Казахстан и отношения к мигрантам.

Миграционная ситуация в Восточном Казахстане отмечается положительной динамикой и высоким уровнем адаптации, социально-экономического положения мигрантов. Экспертами дана положительная оценка миграционных процессов, наряду с этим отмечаются опасения экономического характера, необходимость усиления адаптационных мероприятий.

Таким образом, миграционные процессы Республики Казахстан и приграничных регионов России оказывают влияние на экономическое, социальное и политическое, демографическое развитие государств.

Список литературы

1. Булатецкий Ю.Е., Мощняга В.П. Миграционные процессы и миграционная политика. М., 1994. 250с.
2. Демографический ежегодник Казахстана / Статистический сборник на казахском и русском языках. Астана, 2015, 262 с. http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2015?_afLoop=1446437830634008#%40%3F_afLoop%3D1446437830634008%26_adf.ctrl-state%3Dkmqai4i8v_17
3. Итоги миграции населения Республики Казахстан за 2015 год / Статистический сборник на казахском и русском языках. Астана, 2016. 102 с.
4. Гришанова А.Г. Миграционный потенциал стран нового зарубежья: некоторые аспекты теоретического изучения // Актуальные проблемы международно-правового обеспечения миграционной безопасности России»: Материалы международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А.Г. Хабибуллина. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2011. С. 90–99.
5. Сабитова А.А. Правовой статус иностранцев в Республики Казахстан. Алматы: Данекер, 2009. 115 с.

References

1. Bulatetsky Yu.E., Moshnyaga V.P. *Migratsionnye protsessy i migratsionnaya politika* [Migration processes and migration policy]. М., 1994. 250 p.
2. *Demograficheskiy ezhegodnik Kazakhstana* [Demographic Yearbook of Kazakhstan] / Statistical Yearbook in Kazakh and Russian. Astana, 2015, 262 p. http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2015?_afLoop=1446437830634008#%40%3F_afLoop%3D1446437830634008%26_adf.ctrl-state%3Dkmqai4i8v_17
3. *Itogi migratsii naseleniya Respubliki Kazakhstan za 2015 god* [Results of migration of the population of the Republic of Kazakhstan for 2015] / Statistical compendium in the Kazakh and Russian languages. Astana, 2016. 102 p.
4. Grishanova A.G. Migratsionnyy potentsial stran novogo zarubezh'ya: nekotorye aspekty teoreticheskogo izucheniya [Migration potential of the

- countries of the new abroad: some aspects of theoretical study]. *Aktual'nye problemy mezhdunarodno-pravovogo obespecheniya migratsionnoy bezopasnosti Rossii*»: *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of international legal support of migration security of Russia: Materials of the international scientific-practical conference] / Ed. A.G. Khabibullin. M.: Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, pp. 90–99.
5. Sabitova A.A. *Pravovoy status inostrantsev v Respublike Kazakhstan* [Legal status of foreigners in the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Daneker, 2009. 115 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мұратқызы Арман, магистр педагогических наук

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Россий-
ская Федерация
Akhmetova_05@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Muratkyzy Arman, Master of Pedagogical Sciences

*Altai State University
61, Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656049, Russian Federation
Akhmetova_05@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-97-108

УДК 159.923

ТРАДИЦИИ И ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Маслова Е.С.

В статье рассматриваются дисциплинарные парадигмы, в контексте которых проблема идентичности исследовалась в гуманитарном дискурсе. Цель статьи состоит в анализе проблематической ситуации деструктивного плюрализма и фрагментации дисциплинарных и концептуальных подходов к исследованию идентичности в современном гуманитарном дискурсе, а также возможных путей его преодоления.

Методом критического анализа существующих в литературе интерпретаций плюрализма концепций идентичности и подходов к ее исследованию, автор устанавливает, что проблематический характер этого плюрализма обусловлен реальным кризисом идентичности личности в обществе постмодерна. Современному постмодернистскому кризису идентичности соответствует фрагментация и плюрализм дисциплинарных подходов и внутридисциплинарных парадигм, применяемых в исследовании идентичности. Фрагментированный, дискретный плюрализм современных исследований идентичности нередко соединяется также с релятивизацией идентичности, абсолютизацией ее текучести и изменчивости в духе философских принципов постмодернизма.

Реализация междисциплинарности на практике оказывается проблематичной, т.к. открывает, не только новые возможности, но и новые проблемы и ограничения. Гораздо более проблематичной, чем междисциплинарная интеграция, оказывается внутридисциплинарная концептуальная интеграция подходов к исследованию идентичности.

Автор приходит к выводу о том, что возможны две основных модели преодоления деструктивного плюрализма и фрагментации исследований идентичности. Первая модель выдержана в контек-

сте принципов постмодернистской философии и постнеклассических стандартов научной рациональности.

Вторая модель преодоления деструктивного плюрализма и фрагментации исследований идентичности основана на принципах и стандартах гуманитарной классической научной рациональности. В основе второй модели лежит создание целостной интегральной концепции идентичности на базе продуктивной философской парадигмы и междисциплинарной интеграции существующих подходов.

Ключевые слова: *дисциплинарный плюрализм; концептуальный плюрализм; идентичность; идентификация; междисциплинарная интеграция.*

TRADITIONS AND PARADIGMS OF RESEARCH IDENTITY

Maslova E.S.

The article deals with disciplinary paradigms, in the context of which the problem of identity was explored in the humanitarian discourse. The purpose of the article is to analyze the problematic situation of destructive pluralism and the fragmentation of disciplinary and conceptual approaches to the study of identity in modern humanitarian discourse, as well as possible ways to overcome it.

By the method of critical analysis of the interpretations of the pluralism of concepts of identity existing in the literature and approaches to its study, the author establishes that the problematic nature of this pluralism is due to the real crisis of personality identity in postmodern society. The modern postmodern identity crisis corresponds to the fragmentation and pluralism of disciplinary approaches and intradisciplinary paradigms used in the study of identity. Fragmented, discrete pluralism of modern studies of identity is often combined with relativization of identity, absolutization of its fluidity and variability in the spirit of the philosophical principles of postmodernism.

The implementation of interdisciplinarity in practice turns out to be problematic, since opens not only new opportunities, but also new problems and limitations. Far more problematic than interdisciplinary in-

tegration is the intradisciplinary conceptual integration of identity research approaches.

The author comes to the conclusion that there are two main models for overcoming destructive pluralism and the fragmentation of identity studies. The first model is maintained in the context of the principles of post-modern philosophy and postnonclassical standards of scientific rationality.

The second model for overcoming destructive pluralism and the fragmentation of identity studies is based on the principles and standards of humanitarian classical scientific rationality. The second model is based on the creation of a holistic integral concept of identity based on a productive philosophical paradigm and interdisciplinary integration of existing approaches.

Keywords: *disciplinary pluralism; conceptual pluralism; identity; identification; interdisciplinary integration.*

Тема идентичности в неразрывной связи с темой личности актуализировалась в социогуманитарной мысли в XX веке. Очевидно, что это связано с глобальным кризисом личности, начавшемся на фоне гигантского роста всех форм отчуждения личности в условиях растущей дегуманизации научно-технического прогресса и порожденных им глобальных проблем. Закономерен интерес современной гуманитарной мысли к осмыслению множества реальных и сложнейших проблем, с которыми сталкивается современный человек в поисках своей идентичности и своего места в современном мире.

В связи с тем, что тема идентичности стала одной из приоритетных в современном гуманитарном дискурсе, сложилось огромное количество самых разнообразных дисциплинарных подходов к ее исследованию. Внутри отдельных дисциплинарных подходов существует большое разнообразие концепций. «Существующие в науке концепты и интерпретационные модели удивляют своим разнообразием. Изучая идентичность, каждая научная дисциплина опирается на свое видение этого феномена, свою методологию и методику» [4, с. 178]. Как можно оценить это разнообразие интерпретаций идентичности?

Казалось бы, многообразие концепций идентичности способствует более полному и всестороннему исследованию этого фе-

номена. Но, сам по себе плюрализм подходов и парадигм к теме идентичности является проблемой. Прежде всего, проблемой ориентации в этом плюрализме, т.е. классификации подходов. Плюрализм является проблемой и в смысле определения взаимоотношений различных концепций идентичности и подходов к ее исследованию друг с другом.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы через анализ традиций и парадигм исследования идентичности наметить эффективный подход к созданию целостной интегральной концепции идентичности на базе продуктивной философской парадигмы и междисциплинарной интеграции существующих подходов.

Прежде всего, необходимо сориентироваться в существующих подходах к исследованию идентичности. Наиболее очевидным критерием такой ориентации является дисциплинарный. З.А. Жаде различает психологический, социологический, социально-антропологический, культурологический, философско-антропологический и политологический дисциплинарные подходы к исследованию идентичности. Но при этом она делает вывод «...об отсутствии единого понимания в трактовке такого сложного феномена, как идентичность» [4, с. 182]. Дисциплинарную классификацию концепций идентичности затрудняет наличие большого количества смешанных, междисциплинарных исследований.

Продуктивным является также исторический критерий классификации существующих подходов к исследованию идентичности, который располагает их в хронологическом порядке появления и связывает их динамику с процессами трансформации общества и положения личности в современном обществе. Однако, применение данного критерия происходит в основном внутри отдельных дисциплинарных парадигм. Так, например, в рамках социологической дисциплинарной парадигмы такой подход применяет Полякова Н.Л., выделяя два основных этапа в исследовании идентичности и связывая каждый из них с определенными дисциплинарными и концептуальными подходами. Первый этап исследований идентичности, согласно Поляковой, основан на исторической почве

общества классического модерна XIX — первой половины XX в. Теоретической основой этого этапа являются классические теории социального действия от М. Вебера до Т. Парсонса [7, с. 28]. Второй этап формируется на почве общества постмодерна последней трети XX в. и начала XXI века. Здесь теоретической базой исследования идентичности выступает конструктивистский подход постмодернизма [7, с. 36].

В рамках психологической дисциплинарной парадигмы анализа идентичности Н.В. Антонова выделяет две основные линии: первую — психоаналитическую, опирающуюся на Э. Эриксона, и вторую линию, опирающуюся на концепцию Дж. Мида, которая объединяет символический интеракционизм и когнитивную психологию [1, с. 131].

Разобраться во внутреннем концептуальном разнообразии интерпретаций идентичности в рамках отдельных дисциплинарных подходов еще сложнее, чем в самом дисциплинарном многообразии в связи с тем, что здесь существует полная свобода выбора критериев их классификации. Результатом этого является огромное количество версий классификации парадигм исследования идентичности внутри каждой отдельной дисциплинарной парадигмы.

Итак, современная ситуация дисциплинарного и концептуального плюрализма концепций идентичности и парадигм исследования идентичности является проблематической. Эта проблематичность обусловлена, прежде всего, реальным кризисом идентичности личности в обществе постмодерна. «В современном обществе идентичности становятся все более множественными, фрагментарными, зависимыми от контекста; они имеют радикально исторический характер и постоянно находятся в состоянии изменения и трансформации» [6, с. 11].

Современному постмодернистскому кризису идентичности соответствует фрагментация и плюрализм дисциплинарных подходов и внутридисциплинарных парадигм, применяемых в исследовании идентичности. «В современных исследованиях идентичности разных типов подчеркиваются ее изменчивость и динамизм; ... Вопреки тому, что проблемы динамики идентичности активно исследуются, фрагментарность всего поля исследований идентичности и наличие

узких специализаций в изучении различных типов идентичностей и областях их проявления не осознаются как части целого» [9, с. 13].

Фрагментированный, дискретный плюрализм современных исследований идентичности нередко соединяется также с релятивизацией идентичности, абсолютизацией ее текучести и изменчивости в духе философских принципов постмодернизма. «Сегодня на смену структурной и содержательной определенности в понимании идентичности все более приходят взгляды, отражающие процессуальность любых ее проявлений и принципиальную «незавершенность»» [2, с. 11–12].

Для многих современных исследований идентичности характерен также элемент прагматизации. Идентичность исследуется не сама в себе и для себя, в ее собственной сущности, а в связи с какими-то актуальными проблемами в той или иной области социальной практики.

Наконец, ситуация плюрализма дисциплинарных подходов к исследованию идентичности, иногда усугубляется слабой философской базой частных дисциплинарных исследований, или, более того, нарочитым пренебрежением к четкой проработке философской базы. «Трактовки проблем идентичности в социологии, психологии или антропологии нередко противопоставляются ее концептуализациям в философии, где они выступают в качестве сущностно иной (всеобщей, универсальной, неспецифической) проблематики» [9, с. 11–12].

Проблематичность современного фрагментарного плюрализма концепций идентичности не снижается также ни тезисами о междисциплинарной интеграции ее исследований, ни многочисленными, но часто не вполне удачными, попытками такой интеграции. Тезис о продуктивности междисциплинарного исследования идентичности общепризнан, но остается нередко декларативным, благим пожеланием. Общая фраза про междисциплинарные исследования и подходы прикрывает фактическую фрагментацию или простое эклектическое смешение дисциплинарных и концептуальных подходов к исследованию идентичности.

Реализация междисциплинарности на практике оказывается проблематичной, т.к. открывает, не только новые возможности, но и новые проблемы и ограничения. «Нарастающая междисциплинар-

ность использования понятия идентичности анализируется с точки зрения как новых ограничений, так и новых возможностей» [2, с. 7].

Гораздо более проблематичной, чем междисциплинарная интеграция, оказывается внутридисциплинарная концептуальная интеграция подходов к исследованию идентичности. Попытку такой интеграции представила Р.Б. Сапожникова. Рассматривая идентичность как многомерный психический феномен, она выделяет в ней онтологический аспект («чувство неотъемлемой самости и личной тождественности») и экзистенциальный аспект («способ решения экзистенциальных проблем») [8, с. 17]. В дополнение к этому «синтезу», Сапожникова предлагает при описании идентичности как целостного многомерного психологического явления, сочетание трех психологических парадигм по принципу дополнительности: 1 – интеракционистского подхода, 2 – социально-ролевого подхода и 3 – смысло-динамического подхода [8, с. 17]. Данная попытка, как и многие другие, на наш взгляд, не слишком удачна вследствие отсутствия эффективной философской базы и представляет собой скорее эклектическое смешение, чем реальный синтез внутридисциплинарных психологических парадигм идентичности.

Проблематичность практической интеграции в исследовании идентичности ведет к тому, что, на самом деле, вместо интеграции мы видим дисциплинарную и парадигматическую фрагментацию исследований идентичности, или же простое эклектическое смешение парадигм и дисциплинарных подходов.

Какой же может быть продуктивная модель отношений между многообразными дисциплинарными и концептуальными подходами к исследованию идентичности? Другими словами, в чем же состоит выход из кризиса фрагментации и избыточного, деструктивного плюрализма современных концепций идентичности? Конструктивным в этом плане является подход З.А. Жаде, которая отмечает: «что проблемы идентичности нельзя «прописать» по ведомству какой-то одной науки. По мнению ученых, мы оказываемся в междисциплинарном поле; и необходимо учитывать тот «культурный поворот», который произошел в социальном и гуманитарном знании в послед-

ние десятилетия. Важно также понять, что основными тенденциями изучения этого феномена должны явиться осознание ее полипарадигмального статуса и объединение усилий представителей разных областей знания, а также стремление соотнести арсенал исследований отечественной мысли с достижениями мировой науки» [4, с. 183].

На сегодняшний день возможны две основных модели преодоления деструктивного плюрализма и фрагментации исследований идентичности. **Первая модель** выдержана в контексте принципов постмодернистской философии и постнеклассических стандартов научной рациональности. Постмодернистская рациональность предлагает простое узаконивание как нормы полной произвольности и абсолютного плюрализма, фрагментации парадигм и дисциплинарных подходов к идентичности, отказ от самой цели поиска фундаментальной философской парадигмы, в которой идентичность могла бы стать основой реального междисциплинарного исследования. На стыке парадигм и дисциплин постмодернизм пытается высечь различные «продуктивные» искры необычного подхода, новизны. Но это малопродуктивный подход. Модель дополнительности – здесь работает лишь частично и ограничено. В итоге постмодернизм является простой теоретической фиксацией кризиса идентичности в современном обществе. «В современной «жидкой», «текучей», подвижной социальности рациональное поведение требует и «текучести» личности, максимальных возможностей выбора и открытости... Идентичности, к которым стремятся в нашей современности, являются фрагментированными и атомизированными, свободно выбираемыми и сменяемыми, подобно смене одежды, автомобиля или места жительства. Современный человек бесконечно занимается построением своих идентичностей, тратя много времени и усилий по их демонтажу, переустройству и новому формированию» [7, с. 38].

Вторая модель преодоления деструктивного плюрализма и фрагментации исследований идентичности основана на принципах и стандартах гуманитарной классической научной рациональности. Согласно этой модели, необходимо прежде всего, выстроить иерархию дисциплинарных подходов. Базовым является интегральный

философский подход, вторичный является интегральный социолого-психологический (социально-психологический), третичный является интегральный культурологический подход, где выявляется индивидуальность идентичности разных исторических и социокультурных субъектов, четвертичными являются частные подходы (политологический, этнографический, юридический, экономический и т.п.), раскрывающие специфику отдельных сторон идентичности.

В соответствии с критериями классической рациональности, очевидно должна быть выработана базовая общеполитологическая парадигма идентичности, как основа междисциплинарного синтеза. Именно на базе интегральной философской концепции возможна эффективная междисциплинарная иерархическая интеграция. Тем самым преодолевается нарочитая философская беспочвенность или философский эклектизм многих современных частных дисциплинарных концепций идентичности.

На наш взгляд, переход к реальным междисциплинарным исследованиям идентичности и созданию современной интегральной концепции идентичности лежит в принципе: история есть снятая логика. История исследований идентичности должна рассматриваться как развернутая во времени логика ее познания во всей полноте и целостности.

В этом историческом познании есть аналитический этап разложения идентичности на разные дисциплинарные подходы и парадигмы. И есть синтетический этап – этап реальной интеграции. Интеграция возможна как реставрация в концептуальной логике идентичности снятой истории ее исследований.

Интегральная философская концепция должна быть снятием ограниченности прежних парадигм, а не метафизическим их отрицанием. Именно в этом будет ее адекватность современности.

Естественно, возникает вопрос выбора эффективной модель ситуации плюрализма и фрагментации исследований идентичности. В отличие от широко представленной в современном научном дискурсе постмодернистской модели, модель фундаментальной, классической рациональности пока не разработана систематически.

Есть лишь отдельные попытки ее создания. Поэтому окончательное решение выбора модели решения проблемы плюрализма и фрагментации исследований идентичности, очевидно, возможно лишь после детальной разработки предложенной нами второй модели.

Выводы

Современная ситуация дисциплинарного и концептуального плюрализма концепций идентичности и парадигм исследования идентичности является проблематической. Эта проблематичность обусловлена, прежде всего, реальным кризисом идентичности личности в обществе постмодерна.

Возможны две основных модели преодоления деструктивного плюрализма и фрагментации исследований идентичности. **Первая модель** выдержана в контексте принципов постмодернистской философии и постнеклассических стандартов научной рациональности. Постмодернистская рациональность предлагает простое узаконивание как нормы полной произвольности и абсолютного плюрализма, фрагментации парадигм и дисциплинарных подходов к идентичности.

Вторая модель преодоления деструктивного плюрализма и фрагментации исследований идентичности основана на принципах и стандартах гуманитарной классической научной рациональности. Согласно этой модели, необходимо прежде всего, выстроить иерархию дисциплинарных подходов. Затем должна быть выработана базовая интегральная философская концепция идентичности, на основе которой возможна эффективная междисциплинарная иерархическая интеграция. Эффективная интеграция парадигм исследования идентичности возможна как реставрация в концептуальной логике идентичности снятой истории ее исследований.

Список литературы

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

2. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник С.-Петерб. ун-та. Психология и педагогика. т.8. Вып. 1. С. 6–15.
3. Гречко П.К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 171–190.
4. Жаде З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. 2007. № 2. С. 173–184.
5. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. Ростов-на-Дону гос. ун-т. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1999. 199 с. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/st005.shtml>
6. Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005.
7. Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 22–42.
8. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Тульского государственного педагогического университета. 2005. Выпуск 1 (45). Серия: Психология. С. 13–17.
9. Соколовский С.В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 8–22.
10. Baumeister R.F. Identity: Cultural Change and Struggle for Self. New York: Oxford University Press, 1986. 280 p.
11. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: W.W. Norton, 1968. 336 p.
12. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. 256 p.

References

1. Antonova N.V. *Voprosy psikhologii*. 1996. № 1, pp. 131–143.
2. Belinskaya E.P. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika*. V.8. №1, pp. 6–15.

3. Grechko P.K. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 2010. V. IV, pp. 171–190.
4. Zhade Z.A. *Filosofiya i obshchestvo*. 2007. № 2, pp. 173–184.
5. Zakovorotnaya M.V. *Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty* [The identity of the person. Socio-philosophical aspects]. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh, 1999. 199 p. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/st005.shtml>
6. Malinova O.Yu. *Prava cheloveka i problemy identichnosti v Rossii i v sovremennoy mire* [Human Rights and Problems of Identity in Russia and in the Modern World] / ed. O. Yu. Malinova, A. Yu. Sungurov. SPb.: Norma, 2005.
7. Polyakova N.L. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2016. № 4, pp. 22–42.
8. Sapozhnikova R.B. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2005. № 1 (45), pp. 13–17.
9. Sokolovskiy S.V. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2015. № 1, pp. 8–22.
10. Baumeister R.F. *Identity: Cultural Change and Struggle for Self*. New York: Oxford University Press, 1986. 280 p.
11. Erikson E.H. *Identity, youth and crisis*. New York: W.W. Norton, 1968. 336 p.
12. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 256 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Маслова Екатерина Сергеевна, к.пс.н., доцент кафедры философии и истории Отечества
Донской государственной аграрной университет
ул. Ленина, 21, г. Зерноград, Ростовская обл., 347740, Российская Федерация
maslovaket@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maslova Ekaterina Sergeevna, Ph.D., Associate Professor, Department of Philosophy and History of the Fatherland
Don State Agrarian University
21, Lenin Str., Zernograd, Rostov region, 347740, Russian Federation
maslovaket@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-109-116

УДК 130.2; 316.733

ПРЕДПОСЫЛКИ ВСПЛЕСКА ИНТЕРЕСА К ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 90-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Воробьева О.Б., Вострякова Ю.В., Шматов Е.Н.

В переломные 90е годы XX века снятие идеологических рамок вызвало резкий интерес общества к эзотерической культуре. Научный анализ причин и условий резкого проявления интереса к эзотерической традиции требует конкретно-исторического подхода, который рассматривает эти проблемы в контексте социокультурных особенностей общества. Социум вступил на путь постижения эзотерического знания, причем достаточно избирательно прибегая к его ценностям. Большая часть населения так или иначе вплегла эзотерическую традицию в личностную форму культуры. При этом люди, занимающиеся интеллектуальной деятельностью, восстребовали ее психофизиологические тенденции (йога, цигун, тибетские искусства) и ценности эзотерической философии (теософия, Агни-Йога). Целью овладения этими и многими другими практиками является приобретение спокойных мыслительных процессов, психофизическое оздоровление, достижение долголетия. Другая часть населения направила свой интерес к оккультным направлениям эзотерической традиции (разные виды магии, хиромантия, астрология), востребованным с целью достижения собственных эгоистических потребностей.

На современном этапе сформирован некий «итог» такого всплеска интереса населения в переломный момент времени для великого государства к разнородным пластам эзотерического знания. Как добиться успеха, любви, справедливости и других высоких общечеловеческих ценностей учат гадалки, ведуньи, маги – адепты всех степеней посвящения. Востребованность в современное время в большинстве своем вульгарных пластов эзотерического знания яв-

ляется ярким индикатором декадансных тенденций духовной жизни современного социума.

Ключевые слова: эзотерическая традиция; оккультизм; эзотерическая философия; постсоветское пространство; сциентизм; интеллигенция; идеология.

BACKGROUND OF INTEREST OF INTEREST TO ESOTERIC TRADITIONS IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE 90-S OF THE TWENTIETH CENTURY

Vorobeva O.B., Vostryakova Yu.V., Shmatov E.N.

In the crucial 90s of the twentieth century, the removal of the ideological framework caused a sharp public interest in esoteric culture. The scientific analysis of the causes and conditions of a sharp manifestation of interest in the esoteric tradition requires a specific historical approach, which considers these problems in the context of the socio-cultural characteristics of society. Society has embarked on the path of realizing esoteric knowledge, and quite selectively resorting to its values. Most of the population in one way or another has incorporated the esoteric tradition into the personal form of culture. At the same time, people engaged in intellectual activities claimed its psycho-physiological tendencies (yoga, qigong, Tibetan arts) and the values of esoteric philosophy (theosophy, Agni Yoga). The goal of mastering these and many other practices is the acquisition of quiet thought processes, psychophysiological recovery, the achievement of longevity. Another part of the population has directed its interest in the occult directions of the esoteric tradition (different types of magic, palmistry, astrology), which are in demand in order to achieve their own egoistic needs.

At the present stage, a certain "result" of such a surge of interest of the population at a crucial moment for the great state to heterogeneous layers of esoteric knowledge has been formed. How to achieve success, love, justice and other high universal values taught by fortunetellers, witches, magicians – adherents of all degrees of dedication. The demand

for modern times in the majority of its vulgar layers of esoteric knowledge is a bright indicator of the decadent tendencies of the spiritual life of modern society.

Keywords: *esoteric tradition; occultism; esoteric philosophy; post-Soviet space; scientism; intelligentsia; ideology; theosophy; Agni Yoga.*

Закономерность всплеска интереса к эзотерической культуре населения на постсоветском пространстве вызвана рядом факторов социального характера. В этот период происходит перестройка всей общественной жизни. Начались процессы демократизация общества на фоне отхода от коммунистической идеологии, переход к новой форме экономики, падение железного занавеса, идеализация западных культурных ценностей и тенденций, выход на мировой рынок. Провозглашались единство творчества и свободы, гласность, приветствовался плюрализм мнений. Однако, перестроечный период заложил тенденции снижению жизненного уровня большей части населения, возникновению национальных конфликтов на фоне крушения долго воспитываемых СССР идеалов дружбы народов, подмене социальных ценностей и идеалов, в частности идеалов справедливого общественного устройства и его стабильности. Все ценности, составляющие ранее духовность народа, были резко смещены многочисленными тенденциями эзотерической культуры. Общество знакомились с целительством, явлением гипноза, ясновидением, толкованием снов, хиромантией, астрологией, восточными духовными практиками, теософией и другими элементами эзотерической традиции.

Тогда встает вопрос: почему же православие, сыгравшее столь огромную роль в формировании менталитета народа, заложенное в них на подсознательном уровне и еще теплившееся в душах советских людей, не смогло полностью заполнить собой духовные потребности социума? Да, здесь главная роль принадлежит пропаганде атеистически устроенного мира. Но есть еще один момент, и он касается причин выбора населением оккультных направлений, где словом или действием можно изменять, руководить судьбой,

ставить прогнозы на развитие. Как и традиционная религия, так и эзотерическая культура указывают выходы из жизненных тупиков, когда действительность не позволяет человеку найти иной путь, кроме обращения к вере, ритуалу. «В оккультных элементах эзотерической культуры феномен веры поддерживается тем, что последняя необходима человеку для того, чтобы уйти от неудовлетворенности реальностью, но уйти не путем многолетних тяжелых трудов, молитв о милости Бога, а с помощью чуда. Здесь начинает работать закон ближней мотивации, согласно которому человек выбирает такие средства и способы решения проблемы, которые позволяют сделать это быстрее – и человек обращается за помощью не к традиционной религии, а к эзотерической культуре» [4, с. 56].

Другой фактор, обусловивший резкий интерес населения к эзотерической культуре, связан с научно-техническим прогрессом. Развитие науки, с одной стороны, открыло новые возможности человечества, разработаны технологии, применяемые во всех сферах культуры. С другой стороны, наука обусловила становление информационного общества, где личность – песчинка и только средство для использования обществом; построение кибернетических управленческих моделей. Это дало толчок возникновению таких средств, с помощью которых осуществляется несогласованное вторжение во внутренний мир личности, что прежде считалось сокровенным и недопустимым.

В России тенденции материалистической и позитивистской науки, в отличие от западных стран, были навязаны идеологически. Наука превращалась в крепкий рационализированный способ понимания мира, не оставивший места для альтернативных путей познания. Это привело к попыткам создать универсальную идеологию, составленную из альтернатив отвергнутой официальной идеологии. Одним из таких путей и стала эзотерическая традиция, представляющая собой древнейшую познавательную модель, опора которой – ее убежденность в единстве мира и его процессов.

Таким образом, сама коммунистическая идеология в том виде, в котором она получила свое официальное выражение при советской

власти, в определённой мере создавала предпосылки к духовным исканиям. Поэтому к эзотерической традиции обратились прежде всего образованные люди, интеллигентская и молодежная среда. Это те, кто был востребован коммунистической идеологией и был более открыт для духовной жизни и впечатлений (поездки, знакомства с людьми и средствами массовой информации, в которых шло широкое популяризирование направлений эзотерической культуры и самих ее adeptов). Нарушенное духовно-идеологическое равновесие должно было восстановиться. Рерихи называли интеллигенцию аристократией Духа, принадлежащей Культуре, которая основывается на Красоте и Гармонии. Поэтому фундаментом истинно культурного человека является познание прекрасного как основы Духа.

Среди ценностных аспектов доктрин эзотерической традиции выступает этическая составляющая. Ее наполненность составляют элементы почитания принципов и идеалов добра, радости, любви, стремление их выполнять в личной и общественной жизни. Кроме этого, «имея в качестве доминантного направления развитие суперличности, эзотерическая культура создала специальные технологии, должны вывести человека на уровень всеобщего космического знания. Это предполагало долгий и тщательный процесс обучения той части людей, которые избирались как пригодные и считались посвященными. Аспекты последнего определялись качествами ума и нравственности, духовной зрелостью, которые ... вместили бы в себя знания и могли быть ему открытыми в сложном процессе саморазвития и самореализации» [1, с. 3].

Широкие слои интеллигенции испытали необходимость поиска нового духовного содержания своей деятельности. Восточные эзотерические духовные практики, философские учения, например, Агни-йога, теософия, воспринимались прежде всего как этические учения. Практически лишённая веры в Бога страна искала альтернативную духовность, без веры в сверхъестественное, а в высоких направлениях эзотерической культуры происходит именно уход от религии в сферу этики, эстетики. Интеллигенция ждала от эзотерической культуры именно духовного возрождения, нового нрав-

ственного равновесия, уверенности в себе, преодоления душевного разлада, внутреннего напряжения.

Надо сказать, направления эзотерической культуры, получившие распространение в России, как правило вносят национальный и религиозный акценты. Например, приверженцы практики йоги считают, что русская йога древнее индийской и перекрещивается с православной верой. Даже «низшее» направление – оккультизм, а в нем – лечебная магия – включила в свой арсенал характерные для русской земли как сами традиции, так и средства: «свои» лекарственные растения, минералы и так далее.

Таким образом, в 90-х годах XX столетия на постсоветском пространстве происходит комплексное преобразование общества как социокультурной системы. В обыденной жизни нестабильность общества воспринимается прежде всего как абсолютная неопределенность ситуации и, следовательно, невозможность ближайшего прогнозирования своей жизни. А эзотерическая культура предлагала отточенный веками способ решения всех актуальных жизненных проблем человека любой эпохи.

Рухнувшая коммунистическая идеология, сциентизм и господствующий атеизм создал предпосылки к новым духовным исканиям населения постсоветского пространства, причем это сильнейшим образом нашло отражение на молодежи и интеллигентских слоях, всегда старающихся избегать духовного вакуума.

Список литературы

1. Белякова О.Б. Феномен эзотерической культуры: антропологические, аксиологические, культурологические обоснования: Дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2003. 187 с.
2. Брагин Г.М. Об обыденной форме оккультизма. Отношение человека к иррациональному. Свердловск: Изд-во УГУ, 2000. 142 с.
3. Визгин В.П. Наука, религия и эзотерическая традиция // Философия науки в историческом контексте. СПб., 2003. С. 13–46.
4. Воробьева О.Б. К вопросу о пересечении эзотерической культуры и традиционной религиозности в современном обществе // Уральский научный вестник. 2018. Т.4. №1. С. 55–57.

References

1. Belyakova O.B. *Fenomen e`zotericheskoy kul`tury`: antropologicheskie, aksiologicheskie, kul`turologicheskie obosnovaniya* [The phenomenon of esoteric culture: anthropological, axiological, cultural studies]. Tambov, 2003. 187 p.
2. Bragin G.M. *Ob oby`dennoj forme okkul`tizma. Otnoshenie cheloveka k irrational`nomu* [About the ordinary form of occultism. Human attitude to the irrational]. Sverdlovsk: Izd-vo UGU, 2000. 142 p.
3. Vizgin V.P. *Filosofiya nauki v istoricheskom kontekste* [Philosophy of science in a historical context]. SPb., 2003, pp. 13–46.
4. Vorob`eva O.B. *Ural`skij nauchny`j vestnik*. 2018. V.4. №1, pp. 55–57.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Ольга Борисовна, доцент, кандидат философских наук,
доцент
ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»
Свободы, 2В, г. Самара, 443066, Российская Федерация
Vorobeva_OB@mail.ru

Вострякова Юлия Викторовна, доцент, кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»
Свободы, 2В, г. Самара, 443066, Российская Федерация
julia_april72@mail.ru

Шматов Евгений Николаевич, доцент, кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»
Свободы, 2В, г. Самара, 443066, Российская Федерация
shmatov_75@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vorobyova Olga Borisovna, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Samara State University of Communications
2B, Svoboda Str., Samara, 443066, Russian Federation
Vorobeva_OB@mail.ru
SPIN-code: 7210-4020

Vostryakova Yulia Viktorovna, Associate Professor, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Samara State University of Communications
2B, Svoboda Str., Samara, 443066, Russian Federation
julia_april72@mail.ru
SPIN-code: 7472-7988

Shmatov Evgeny Nikolaevich, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Samara State University of Communications
2B, Svoboda Str., Samara, 443066, Russian Federation
shmatov_75@mail.ru
SPIN-code: 6219-2975

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-4-117-129

УДК 291.1:130.2:2

ОБРАЗ И ИМЯ ИИСУСА ХРИСТА В ВЕРОУЧЕНИИ НЕОКРИШНАИЗМА

Леснянский Д.А.

Цель. Предметом исследования является образ и имя Иисуса Христа, рассмотренные в контексте неокришнаизма. Раскрытие толкования изучаемых явлений является целью настоящей работы.

Метод или методология проведения работы. В своем исследовании автор опирается на сравнительно-исторический метод, метод философского анализа, а также общенаучный метод аналогии.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор раскрывает суть толкования имени Иисуса Христа и его образа в неокришнаизме как аспектов индуистского бога Кришны.

В рамках исследования проведен анализ значения имени «Христос», а также других имен бога с позиций неокришнаизма и христианской теологии. Детальный анализ образа Иисуса Христа позволил выявить отношение последователей МОСК к его личности и христианскому вероучению в целом.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при философском анализе различных религиозных образов, а также в исследованиях по философии религии, ономастике.

Итоги исследования также могут быть применены при преподавании религиоведения.

Ключевые слова: неокришнаизм; религиоведение; Международное общество сознания Кришны; новые религиозные движения; Иисус Христос; антропонимика; религиозные образы; религиозные персоналии.

THE IMAGE AND THE NAME OF JESUS CHRIST IN THE CREEDS OF NEOKRISHNAISM

Lesnyanskiy D.A.

Purpose. *The article covers the image and name of Jesus Christ, considered in the context of neokrishnaism and in the context of Christianity, in which they are profoundly studied at the moment. Disclosure of the interpretation of the studied phenomena is the purpose of this work.*

Methodology. *The research relies on the comparative historical method, the method of philosophical analysis, as well as the general scientific method of analogy.*

Results. *The results are that the author reveals the essence of the interpretation of the Jesus Christ's name and his image in neokrishnaism as aspects of the Hindu god Krishna. In the opinion of the International Society for Krishna Consciousness religious leader Bhaktivedanta Svami Prabhupada, it draws Christianity and neokrishnaism together. Within the scope of the research the author analyzes the meaning of "Christ" and other names of God from the standpoint of neokrishnaism and Christian theology. The detailed analysis of the Jesus Christ's image allowed to reveal the attitude of the ISKCON followers to his personality and Christian doctrine in general.*

Principal implications. *The results of the study can be used in the philosophical analysis of various religious images, as well as in studies on the philosophy of religion, onomastic. The results of the research can also be applied in the teaching of religious study.*

Keywords: *neokrishnaism; religious study; the International Society for Krishna Consciousness; new religious movements; Jesus Christ; onomastics; religious images; religious characters.*

Введение

Ачарья-основатель Международного сознания Кришны А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада в своих книгах неоднократно упоминает Иисуса Христа. В литературе МОСК довольно часто встречается

ся его имя, образ и характеристики. На первый взгляд религиозное учение, происходящее из индуизма, не должно пересекаться с элементами западных вероучений. Однако, при анализе трудов Шрилы Прабхупады по кришнаизму, можно видеть, как автор связал имя и образ Иисуса Христа с пропагандируемым учением. Актуальность настоящего исследования религиозных образов, встречающихся в различных вероучениях, связана со сближением разных религиозных учений в неоднородном, насыщенном конфессиональном пространстве, смягчением межрелигиозных конфликтов. Актуальность работы заключается в том, что в контексте поиска новых идей и целей, способных объединить усилия последователей разных религий в обогащении культуры России, сплоченности, толерантности, исследование является одной из попыток изучения места и роли традиционных религиозных образов в вероучениях новых религиозных движений.

Исследованием личности Иисуса Христа занималось множество православных [7] и католических [13] теологов, а также отечественные и зарубежные философы, историки и религиоведы, такие как Б.Г. Деревенский [9; 10], Н.Н. Мальцев [11], Барт Д. Эрман [18], Эванс К. [17], Э. Ренан [12], Уоллес-Мерфи Т. [15]. Образ Иисуса Христа в их трудах рассматривается только в контексте христианства; личность Иисуса Христа в вероучениях других религий не исследуется. Опираясь на их работы, можно провести сравнение одних религиозных образов в разных религиозных культурах.

Материалы и методы

Опора на сравнительно-исторический метод в настоящем исследовании позволяет сравнить разные религии с учетом того факта, что традиционный образ Иисуса Христа был заложен в христианстве еще в эпоху его формирования, в то время как в новых религиозных движениях он появился уже в XX веке. Сравнительно-исторический метод в совокупности с методом философского анализа в полной мере позволяет рассмотреть Иисуса Христа в контексте нового религиозного движения Международное общество созна-

ния Кришны. Общенаучный метод аналогии позволяет сравнить представления о личности Иисуса Христа в христианстве и неокришнаизме, выявить общие черты и черты отличия. Поскольку основная цель исследования это изучение Иисуса Христа в вероучении Международного общества сознания Кришны, материалами для исследования послужила религиозная литература, написанная основателем нового религиозного движения Бхактиведантой Свами Прабхупадой.

Результаты и обсуждение

Многочисленные упоминания имени Иисуса Христа как представителя другой религии в религиозной литературе Международного общества сознания Кришны (далее МОСК) требовали от ее автора разъяснения наличия этого факта. Интересна точка зрения ачарья-основателя Бхактиведанты Свами Прабхупады на этимологию слова «Христос», которое происходит от греческого слова «кростос», означающего «помазанник». Шрила Прабхупада придерживается той точки зрения, что слово «кростос» является греческим вариантом слова «Кришна» [3, с. 145]. Таким образом он доказывает, что называя Бога «Кришна», «Кростос» или «Христос», верующие имеют в виду одного и того же Бога. Во множестве других своих трудов он также указывает, что Бог, его качества и имя не отличны друг от друга. В частности ачарья-основатель приводит цитату Шри Чайтаньи: «У Бога миллионы имен, и так как между именем Бога и Им Самим нет разницы, каждое из этих имен обладает той же силой, что и Сам Бог» [3, с. 151]. Кроме того в ведических традициях и других религиях мира широко распространено мнение о том, что многие Боги и Полубоги имеют множество имен.

Во-первых, это связано с их «перерождением», поэтому Кришна, в зависимости от своих воплощений, или аватар, называется Вишну, Нарасимха, Чайтанья и многими другими именами.

Во-вторых, полиномия Богов связана с тем, что их имена часто находятся в зависимости от их качеств. Таким образом, Кришну также могут называть Говинда («защитник коров»), Камсанисуда-

на («победитель царя Камсы»), Хришикеша («Господин чувств») и прочими именами. Многоименность Бога характерна и для христианства, где главный принцип в присвоении имени Бога – отражение его свойств. Н. Н. Мальцев указывает, что помимо таких имён Бога как Саваоф («Бог воинств»), в Библии встречаются Яхве, Адонаи, Эл-Гибор, Шаддай [11, с. 7]. Все эти имена отражают только определенные стороны проявления Бога в мире и проявления его заботы о человеке.

Третья причина полиномии Бога, не только в ведической культуре, но и во всём мире, – это лингвистические различия разных народов. Такая причина не смущает ни православных, ни кришнаитов. Например, настоятель храма святого Александра Невского г. Ташкента протоиерей Сергей Стаценко пишет, что слово Бог звучит на древнееврейском языке как «Элохим», то есть «Бог» во множественном числе. В единственном числе слово «Бог» звучит как «Элоах», что представляется ему более чем явно созвучным со словом «Аллах» [14]. Он указывает также на тот факт, что в православии и исламе различается понимание Божественной сущности и мусульмане этим именем называют ту ипостась Божества, которую православные называют Богом Отцом.

Протоиерей храма святителя Митрофана Воронежского в Москве Дмитрий Смирнов при сравнении ислама и христианства также часто говорит о простом лингвистическом различии наименования Бога в русском языке и арабском языке (Аллах). Дмитрий Николаевич не признает разницы между «Богам» ислама и христианства, считая, что и мусульмане и христиане исповедуют веру в одного Бога, однако христиане более осведомлены о Божественной сущности, что повторяет вышеуказанное мнение протоиерея Сергея Стаценко.

Можно сделать предположение, что своими рассуждениями о равенстве имен Бога, Шрила Прабхупада пытается донести до читателей тот факт, что Кришна это «не какой-то другой Бог», а та же самая Верховная Личность Бога, в которую верят последователи других вероучений.

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем понять, почему Шрила Прабхупада принимает имя «Христос» как одно из имен Бога. Кроме того, в кришнаизме принято воспевать имена Бога в качестве ежедневной духовной практики. Члены МОСК для выполнения данного ритуала используют Харе Кришна маха-мантру. Однако, учитывая полиномию Бога, Шрила Прабхупада говорил «Если вы прекратите убивать животных и начнете воспевать святое имя Христа, то достигните совершенства» [3, с. 151].

Однако, как же воспринимается личность Иисуса Христа в вероучении общества сознания Кришны?

Во-первых, кришнаиты не отрицают исторического факта существования Христа и событий, описанных в Евангелии, которое проповедует любовь к Богу, что является главной целью, по мнению последователей МОСК. Учение, распространяемое Иисусом Христом, соответствовало тому времени, месту и стране, где он находился, и было адресовано конкретной группе людей. Кришнаиты признают его представителем Бога и это не вызывает у них сомнений. «Поэтому мы преклоняемся перед Господом Иисусом Христом и приносим ему свои почтительные поклоны» [3, с. 155]. Там же об Иисусе Христе Шрила Прабхупада пишет, что Он «был великой личностью – сыном Бога», то есть соглашается с христианским взглядом на двуединую сущность Христа, также утверждая, что «если бы Иисус Христос был обыкновенным человеком, то он не смог бы нести людям сознание Бога» [3, с. 156]. В беседе с Джоном, Йоко и Джорджем Харрисон он доказывает божественную сущность Иисуса Христа посредством следующего рассуждения: «Господь Иисус говорит, что он – сын Бога. Он не Бог, а его сын. В этом смысле между сознанием Кришны и христианством нет никакой разницы. Между Богом и сыном Бога не может быть ссор. Иисус говорил: «Любите Бога», а Кришна, Верховная Личность Бога, говорит: «Любите Меня». Это одно и то же» [3, с. 195].

Таким образом, на основании тезиса о не отличности Бога от его качеств и его сына, и наименование Иисуса Христа Господом, мы приходим к выводу о том, что Иисус Христос выступает не только как

пророк, но и как одна из аватар Вишну. Хотя традиционный индуизм отрицает данное положение, однако Шрила Прабхупада упоминает, что вероучение Христа так же ведет к Богу, как и учение, пропагандируемое МОСК и «Сознание Христа это и есть сознание Кришны» [3, с. 29]. Любви к Богу учит и Библия, и Бхагават-гита» [4, с. 165].

В кришнаизме признается могущество Иисуса Христа, которое он получил благодаря своему божественному происхождению и божественной сути. Так, в беседах с сотрудником Корпуса Мира Бобом Коэном, Шрила Прабхупада, упоминая, что верующие не должны оправдывать употребление мяса в пищу тем, что Иисус ел мясо, говорил: «Почему бы, подражая Иисусу Христу, вам не пожертвовать собой ради распространения сознания Бога? Иисус Христос обладал таким могуществом, что мог делать все. Но мы не можем подражать ему, мы просто должны выполнять его указания. В этом истинное христианство. Нельзя имитировать могущественную личность. Это ошибка» [5, с. 97].

Во-вторых, Иисус Христос воспринимается одним из «истинных гуру». В частности, в книге «Наука самоосознания» Шрила Прабхупада приводит свое интервью с репортером газеты «Таймс», где упоминает Иисуса Христа как истинного духовного учителя, который, по словам Шрилы Прабхупады, должен призывать верующих полюбить Бога независимо от их вероисповедания и стать его преданным [3, с. 92].

В эссе «Иисус Христос был гуру» духовный лидер МОСК упоминает, что в «Шримад-Бхагаватам» утверждается, что настоящему проповеднику сознания Бога присущи два качества – терпимость и сострадание. Характеру Иисуса Христа целиком и полностью присущи эти качества, о чем неоднократно упоминается в Евангелиях. В эссе приводится пример распятия и смерти Христа, который «был настолько терпим, что, даже когда его распинали, никого не осуждал» и «был настолько сострадательен, что молил Бога простить тех самых людей, которые пытались убить Его» [3, с. 154].

Согласно учению Шрилы Прабхупады, Иисус Христос был чистым вайшнавом («службой Господа») и пошел на распятие, чтобы

избавить людей от страданий, ибо вайшнав чувствует себя несчастным, видя, как страдают другие. Через такое понимание жертвы Христа Шрила Прабхупада осуждает последователей христианской веры, которые не следуют в точности указаниям Христа, а живут греховной мирской жизнью, называя себя «христианами», так как, по их мнению, искупительное самопожертвование Иисуса Христа искупило их грехи. Такая точка зрения опровергается Шрилой Прабхупадой: «если вы будете совершать греховные поступки, то и страдать за них должны вы, а не Иисус Христос» [3, с. 155]. Кроме того, он также пишет о том, что формальное отпущение грехов на исповеди без раскаяния, но с убеждением, что Христос уже пострадал и искупил их грехи, не дает никакого духовного роста. Но «тот, кем руководит Иисус Христос, безусловно, достигнет освобождения, однако очень трудно найти человека, действительно выполняющего наставления Иисуса Христа» [5, с. 96]. С этой точки зрения католицизм и православие выступают достаточно «мягкими» религиями, однако следует отметить, что в большинстве христианской литературы Бог называем «Долготерпимым» и «Всепрощающим» и, таким образом, у христианских верующих не возникает сомнений, что после акта исповеди Бог по Своей милости отпустит им совершенные грехи.

В-третьих, Иисус Христос часто упоминается Шрилой Прабхупадой, когда тот доказывает неправильность понимания христианской заповеди «не убей». В беседе с монахом-бенедиктинцем Эммануилом Юнгклауссеном на возражение о том, что данная заповедь применима только к убийству людей, а не животных, он говорит «Вы полагаете, Иисус Христос был недостаточно разумен, чтобы употребить правильное слово «убийство» вместо слова «убиение»?» [3, с. 149–150], где под словом «убийство» (murder) он понимает только умерщвление человека, тогда как «убиение» (kill) подразумевает убийство любого рода. Стоит отметить, что в ветхозаветном «не убей» употреблено слово *tirtzach*, имеющее широкий смысл и относящееся к «любого рода убийству», а не только к убийству людей. Шрила Прабхупада делает акцент на

том, что христиане отрицают переселение душ. Согласно христианскому вероучению, у животных нет души и заповедь «не убей» истолковывается христианами неверно, они толкуют ее так, как им удобно [3, с. 158].

В православном богословии мы можем встретить крайне негативное отношение к сравнению Иисуса Христа и Кришны, а также его упоминание в литературе МОСК в принципе. Так, иерей Павел Феокистов приводит цитаты из Библии, противоречащие словам Шрилы Прабхупады, а именно слова самого Христа о лжепророках: «Многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят [...] Тогда, если кто скажет вам: «Вот здесь Христос», или «там», – не верьте» [1, с. 1044]. Павел Феокистов отмечает, что центральным в христианстве всё же является серия событий жизни и смерти Иисуса Христа, а не только его учение. Христос умер за наши грехи и воскрес, говорят Апостолы, и в его воскресении – надежда всех смертных на спасение [16]. Для христиан Христос не просто учитель или «гуру», пусть даже божественного происхождения, но в первую очередь Христос это Бог и Спаситель. Однако стоит отметить еще раз, что пусть даже образ Иисуса Христа в МОСК и христианстве разнится, Шрила Прабхупада не настаивает на духовных практиках кришнаизма, а упоминает о том, что христианство является одним из путей бхакти или любовного служения Богу при условии жесткого выполнения всех требований, изложенных в Библии.

Заключение

Упоминания Иисуса Христа Бхактиведантой Свами Прабхупадой могут свидетельствовать не только о позитивном отношении к христианскому вероучению, которое, как и веды, может привести человека к Богу. В литературе МОСК часто упоминается, что не обязательно становиться кришнаитом, читать маха-мантру, участвовать в киртане и полностью следовать вайшнавской духовной практике. Например, если читатель является христианином, то он может продолжать оставаться им, следуя Библии и совершая хри-

стианские духовные практики. Однако очевидно, что, возникнув в США, Международное общество сознания Кришны, нуждалось в понятной для западной аудитории информации. Признание христианства верой, которая также может привести к Богу, а также доказательства мирного сосуществования и бесконфликтности вероучения Иисуса Христа и вероучения МОСК очень импонируют представителям цивилизации Запада. Образ Иисуса Христа, как наиболее привычный для европейца и американца, чаще используется для подтверждения некоторых отдельных постулатов, приведенных в ведах или трудах Шрила Прабхупады. Опора на авторитетное лицо, почитаемое во многих странах не только христианами и мусульманами, но и представителями других вероисповеданий, а также теми атеистами, кто признает исторический факт жития Иисуса Христа и его вклад в создание новой религии, придает доказательность работам Шрила Прабхупады.

Исследования использования традиционных религиозных образов в нетрадиционных вероучениях позволят лучше понять вероучения новых религиозных движений и углубить знания о них с точки зрения философии, религиоведения, культурологии, богословия, антропологии и религиозной психологии. Это становится важным для достижения межконфессионального диалога как прогрессивной формы отношений между представителями различных вероисповеданий. Однако требуется детальное и более глубокое изучение этих вопросов с позиций религиоведения и теологии.

Список литературы

1. Библия. Ветхий и новый завет. М.: Российское библейское общество, 2011. 1376 с.
2. Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. Бхагавад-гита как она есть; пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2007. 816 с.
3. Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. Наука самоосознания; пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2013. 496 с.
4. Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. Путешествие вглубь себя; пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2013. 384 с.

5. Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. Совершенные вопросы. Совершенные ответы; пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2014. 125 с.
6. Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. Сознание Кришны – высшая система йоги; пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2014. 112 с.
7. Воробьев С. Евангельская история. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. 448 с.
8. Гусев Д.А. Популярная философия. М.: Прометей, 2015. 291 с.
9. Деревенский Б.Г. Иисус Христос в документах истории. СПб.: Алетей, 2001. 430 с.
10. Деревенский Б.Г. Тайны евангельской истории. СПб.: Алетей, 2014. 434 с.
11. Мальцев Н.Н. Иисус Христос и библейские тайны. М.: Алгоритм, 2012. 740 с.
12. Ренан Э. Жизнь Иисуса. М.: Амрита-Русь, 2004. 224 с.
13. Скола А. Богословская антропология. М.: Христианская Россия, 2005. 384 с.
14. Стаценко С., протоиерей. Верят ли православные в Аллаха? [Электронный ресурс] // Сайт храма преподобного Сергия Радонежского. URL: <http://radonejskiy.orthodoxy.ru> (дата обращения 12.11.2018 г.).
15. Уоллес-Мерфи Т. Тайное знание. Секреты западной эзотерической традиции / Пер. с англ. Г.В. Максимюк. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. 287 с.
16. Феоктистов П., иерей. Иисус Христос в кришнаитском вероучении [Электронный ресурс] // Миссионерско-апологетический проект «К истине». URL: <http://www.k-istine.ru> (дата обращения 8.11.2018 г.).
17. Эванс К. Иисус и его мир. Новейшие открытия; пер. с англ. М.И. Завалов. М.: Эксмо, 2015. 302 с.
18. Эрман Б.Д. А был ли Иисус? Неожиданная историческая правда; пер. с англ. Г.Г. Ястребова. М.: Эксмо, 2012. 480 с.

References

1. *Bibliya. Vethij i novyj zavet.* [Bible. Old and New Testament]. Moscow, 2011. 1376 p.

2. Bhaktivedanta Svami Prabhupada, A.Ch. *Bhagavad-gita kak ona est'* [Bhagavad-gita As It Is]. Moscow, 2007. 816 p.
3. Bhaktivedanta Svami Prabhupada, A.Ch. *Nauka samoosoznaniya* [The Science of Self-Realization]. Moscow, 2013. 496 p.
4. Bhaktivedanta Svami Prabhupada, A.Ch. *Puteshestvie vglub'sebya* [The Journey of Self-Discovery]. Moscow, 2013. 384 p.
5. Bhaktivedanta Svami Prabhupada, A.Ch. *Sovershennye voprosy. Sovershennye otvety* [Perfect Questions, Perfect Answers]. Moscow, 2014. 125 p.
6. Bhaktivedanta Svami Prabhupada, A.Ch. *Soznanie Krishny – vysshaya sistema jogi* [Krsna Consciousness: The Topmost Yoga System]. Moscow, 2014. 112 p.
7. Vorobiev S. *Evangel'skaya istoriya* [The Gospel Story]. Moscow, 2010. 448 p.
8. Gusev D.A. *Populyarnaya filosofiya*. [Popular philosophy]. Moscow, 2015. 291 p.
9. Derevenskij B.G. *Iisus Hristos v dokumentah istorii*. [Jesus Christ in the history documents]. St. Petersburg, 2001. 430 p.
10. Derevenskij B.G. *Tajny evangel'skoj istorii*. [The Secrets of the Gospel Story]. St. Petersburg, 2014. 434 p.
11. Mal'cev N.N. *Iisus Hristos i biblejskie tajny*. [Jesus Christ and Biblical Stories]. Moscow, 2012. 740 p.
12. Renan EH. *Zhizn' Iisusa*. [The Jesus' Life]. Moscow, 2004. 224 p.
13. Skola A. *Bogoslovskaya antropologiya*. [Theological Anthropology]. Moscow, 2005. 238 p.
14. Stacenko S., archpriest. *Veryat li pravoslavnye v Allaha?* [Do Orthodox Christians believe in Allah?]. <http://radonejskiy.orthodoxy.ru> (Accessed 12.11.2018).
15. Uolles-Merfi T. *Tajnoe znanie. Sekrety zapadnoj ehzotericheskoy tradicii* [Hidden Wisdom. Secrets of the Western Esoteric Tradition]. Moscow, 2012. 287 p.
16. Feoktistov P., priest. *Iisus Hristos v krishnaitskom verouchenii* [Jesus Christ in krishnaism creed]. <http://www.k-istine.ru> (Accessed 8.11.2018).
17. Evans K. *Iisus i ego mir. Novejshie otkrytiya* [Jesus and his world. The latest revelations] Moscow, 2015. 302 p.

18. Erman B.D. A byl li Iisus? Neozhidannaya istoricheskaya pravda [Did Jesus exist? Unexpected Historical Truth]. Moscow, 2012. 480 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Леснянский Денис Александрович, аспирант кафедры философии
ФГБОУ ВПО Забайкальский государственный университет
ул. Александрo-Заводская, 30, г. Чита, 672039, Российская
Федерация
superlesdenis@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lesnyanskiy Denis Aleksandrovich, post-graduate Student, Depart-
ment of Philosophy
Transbaikal State University
30, Aleksandro-Zavodskaya Str., Chita, 672039, Russian Federation
superlesdenis@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3118-8272
SPIN-code: 9196-0292

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ ПАЦИЕНТА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОТ ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ Пыжова О.В., Чальцева Т.А.	14
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНТУРЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА Воронов В.М.	28
ЛИЧНОСТНЫЕ МОТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ Решетникова Е.В.	43
АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ И ИХ ОЦЕНОК ХАРАКТЕРА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 1994–2016 ГГ. Аксютин Ю.М.	60
ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «РАЗУМ» В ФИЛОСОФИИ Волохова Н.В.	70
МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ: ВЗГЛЯД И ОЦЕНКА МИГРАНТОВ Мұратқызы А.	80
ТРАДИЦИИ И ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ Маслова Е.С.	97

ПРЕДПОСЫЛКИ ВСПЛЕСКА ИНТЕРЕСА К ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 90-Х ГОДАХ XX ВЕКА Воробьева О.Б., Вострякова Ю.В., Шматов Е.Н.	109
ОБРАЗ И ИМЯ ИИСУСА ХРИСТА В ВЕРОУЧЕНИИ НЕОКРИШНАИЗМА Леснянский Д.А.	117
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	130

CONTENTS

PHILOSOPHICAL STUDIES

THE INFORMED CONSENT OF THE PATIENT IN THE SOVIET SYSTEM OF HEALTH CARE: FROM ETHICAL THEORY TO MEDICAL PRACTICE Pyzhova O.V., Chaltseva T.A.	14
THE PROBLEM OF IDENTITY: OUTLINE OF THE EXISTENTIAL APPROACH Voronov V.M.	28
PERSONAL MOTIVES FOR THE REALIZATION OF SOCIAL EDUCATION IN THE YOUTH ENVIRONMENT Reshetnikova E.V.	43
THE ANALYSIS OF CORRELATION SOCIO-ECONOMIC WELFARE OF KHAKASSIA INHABITANTS AND THEIR ASSESSMENTS OF INTERETHNIC RELATIONS DEPENDENCE 1994–2016 Aksutin Yu.M.	60
ORIGINS AND FORMATION OF CATEGORY «MIND» IN PHILOSOPHY Volokhova N.V.	70
MIGRATION SITUATION IN EAST KAZAKHSTAN: LOOK AND ASSESSMENT OF MIGRANTS Muratkyzy A.	80
TRADITIONS AND PARADIGMS OF RESEARCH IDENTITY Maslova E.S.	97

BACKGROUND OF INTEREST OF INTEREST TO ESOTHERIC TRADITIONS IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE 90-S OF THE TWENTIETH CENTURY Vorobeva O.B., Vostryakova Yu.V., Shmatov E.N.	109
THE IMAGE AND THE NAME OF JESUS CHRIST IN THE CREEDS OF NEOKRISHNAISM Lesnyanskiy D.A.	117
RULES FOR AUTHORS	130

Подписано в печать 29.09.2018. Дата выхода в свет 23.10.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP93/017. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.